

ЛЮБОВЬ

не по плану

Карла
Соренсен

Карла Соренсен

Любовь не по плану

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73963627

Карла Соренсен. Любовь не по плану: Клевер-Медиа-Групп; Москва;

2026

ISBN 9785002527274

Аннотация

Иногда нужно потерять все, чтобы обрести себя... Теплая и трогательная история о проживании утраты, семье, дружбе и исцеляющей силе любви.

«Любовь не по плану» – роман о горячей и нежной любви, которая становится первым шагом на пути к себе настоящему.

Завершение карьеры футболиста, потеря друга, доставшийся в наследство ветхий домик в глуши – планы Берка трещат по швам. В надежде хоть что-то исправить он отправляется в Мичиган, где встречает ее – Шарлотту.

Очаровательную, острую на язык и невероятно соблазнительную девушку, нанятую для того, чтобы отреставрировать дом. Между Берком и Шарлоттой мгновенно вспыхивает искра, но к отношениям оба оказываются не готовы. Тогда они заключают сделку: останутся близки ровно до окончания ремонта, не связывая друг друга обязательствами. Но можно ли обмануть любовь?

Если вы ищете книги романы для молодежи, современные романы зарубежных авторов, книги 18+ с яркими персонажами, книги про любовь, способную менять героев, интересные любовные романы, такая художественная литература для вас.

Книга роман «Любовь не по плану» – это книга про любовь двух непохожих героев, художественная литература взрослая, затрагивающая темы отношений с родителями и проживания горя, книга 18+ для тех, кто выбирает увлекательные романы, книги для подростков старшего возраста и молодежи и для тех, кому нужна книга романтика для комфортного чтения.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	35
Глава четвертая	57
Глава пятая	72
Глава шестая	91
Глава седьмая	101
Глава восьмая	112
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Карла Соренсен

Любовь не по плану

Text copyright © 2023 Karla Sorensen

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

18+

Глава первая

Берк

«Берк, никому нет дела до того, хочешь ты этого или нет», – однажды сказал мне отец. В детстве я часто ныл из-за тяжелых тренировок или из-за того, как мне осточертело выходить на дурацкое поле. «Если будешь браться за сложные дела, даже когда этого не хочешь, станешь лучшей версией себя».

Ну какой же паршивый момент я выбрал для того, чтобы вообще вспомнить этот недосвет! Он не разозлил меня, даже не вызвал раздражение. Во мне вспыхнул настолько беспредельный ужас, что я почувствовал, как кровь ледяным потоком потекла по венам. Ведь я ничего не мог сделать, чтобы подготовиться к тому, что ждет меня в будущем. За последние три месяца я хорошо это усвоил. Я не хотел делать этого. Но выбора не было.

Я сидел перед ноутбуком и молча наблюдал за неуклюжими действиями юриста. Тот возился с огромным скоросшивателем, перебирая страницу за страницей, пока наконец не достал одну из своих «взрывоопасных бомб». Все это время тревога тяжелым грузом оседала у меня внутри.

Это было такое чувство... укореняющейся утраты. Чувство, которое невозможно игнорировать и из-за которого

трудно дышать.

У меня было предчувствие, что любая фраза, которая вырвется из уст этого морщинистого человека, способна навсегда изменить мою привычную жизнь.

Юрист перелистнул очередную страницу.

– Прошу прощения. Нам с трудом удалось найти документы по доверительному управлению¹ после ухода из жизни вашего друга и его супруги.

От этих слов внутри меня все застыло. Какая же аккуратная фигура речи! Стерильная, беспристрастная, неспособная навредить.

Они не *ушли из жизни*. Их машина врезалась в дерево, потому что какой-то пьяный водила выскочил на встречную полосу. После столкновения в той каше из металла и стекла осталась их двухлетняя дочь и кипа юридических бумаг, с которой никто не в силах разобраться.

Последние две недели были самыми долгими в моей жизни. Вернее, последние два месяца. Слишком много всего изменилось. Слишком много планов пошло крахом, и время нельзя было повернуть вспять.

– Ага, вот и договор. – Мужчина прошелся пальцем по абзацу на очередной странице и перевел взгляд на камеру ноутбука. – Крис и Эми совсем недавно обратились в нашу

---

¹ Договор доверительного управления передает в пользование имущество или активы на определенный срок с целью приумножения прибыли. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

фирму, еще и предыдущий их юрист ушел на пенсию аккурат перед аварией... – Он ненадолго замолчал. – Обычно мы гораздо организованнее занимаемся исполнением завещаний.

Я крепко сжал челюсти, а под столом сильно затряслась нога. По ту сторону экрана юрист ничего не заметил, ну, разве что только мое напряженное выражение лица.

– Будь обстоятельства другими, мы бы со всем разобрались уже к похоронам, – продолжил он.

Я кивнул и, решив, что голос достаточно окреп и не выдаст, рискнул задать вопрос, все это время мучивший меня:

– Кто станет опекуном их дочери?

Черты лица юриста тут же смягчились.

– Не вы. Ребенок сейчас с лучшей подругой Эми. – Многозначительно помолчав, он добавил: – У меня как раз следующая встреча с опекунами Миры.

Я расслабил плечи. Я любил Криса. Он был моим лучшим другом, а знакомы мы были долгие пятнадцать лет – с тех пор, как встретились в Мичиганском университете. Только вот я вообще не готов к роли родителя, еще и такой маленькой девочки.

Прикрыв глаза и сделав медленный глубокий вздох, я ожидал новостей. Может, хотя бы на следующей неделе этот тугой болезненный комок в груди рассосется. Может, я даже научусь избавляться от стресса в новых реалиях. В реалиях, где из-за разрыва связок надколенника я был вынужден уйти из спорта, которому посвятил всю жизнь. В реалиях, где

из-за пьяного придурка, которому не хватило ни мозгов, ни навыков держаться своей полосы, мне суждено скорбеть по лучшему другу. Нет. Я никогда не смогу спокойно принять ни одно из этих обстоятельств. И тем не менее все, что остается, – это приготовиться к тому, что ждет меня дальше.

– Что ж, – наконец заговорил юрист, – мистер Барретт, вы, похоже, стали гордым обладателем Кэмпбелл-хауса.

Я широко распахнул глаза:

– Чего?

Он лишь улыбнулся в ответ на мою фамильярность:

– В вашей собственности особняк конца тысяча восьмисотых годов, приобретенный совсем недавно. Если я правильно понимаю, для Криса он многое значил, так как принадлежал его бабушке с дедушкой. К сожалению, за последний десяток лет или даже больше дом успел прийти в запустение.

– Что-то... припоминаю, – выдавил я.

Нечеткие воспоминания замелькали в голове. Долгая поездка после учебы – чтобы Крису не пришлось ехать на похороны в одиночку. Большой дом с кучей окон.

– Я однажды видел его снаружи, сразу после смерти его бабушки.

Юрист провел пальцем по странице:

– Ну... Теперь он ваш.

– Что они собирались с ним сделать? Они же жили в Колорадо.

Крис никогда ничего подобного не упоминал. Не то чтобы

мы, конечно, созванивались еженедельно, и уж тем более не тогда, когда начинался сезон². Но он позвонил мне, как только узнал о травме. И, как последний засранец, спросил: «Раз твое колено все-таки решило сдохнуть, мы сможем теперь пользоваться парковкой для инвалидов? Она как раз ближе к стадиону». Мой ответ был мгновенным. Я назвал его придурком и сказал, что поговорим через пару недель, когда я начну курс физиотерапии. Я тогда был занят. Слишком занят. И теперь, когда Криса больше нет, это звучит как дешевое оправдание.

Юрист откинулся на спинку кресла:

– Мы обсуждали этот дом лишь раз, так что знаю я не так уж и много. Они планировали полностью отреставрировать его и даже наняли в качестве координатора проекта местного специалиста. Не думаю, что они собирались здесь жить, по крайней мере не круглый год. Для них этот особняк был своего рода инвестицией. Тут по-разному можно получать доход. Сдавать дом в аренду, превратить его в гостиницу, еще что-нибудь. Если я правильно помню, такое бизнес-вложение по большей части было мечтой Эми. Она таким образом хотела почтить память бабушки и дедушки Криса. Но это, конечно, дело второстепенное. Прежде всего она намеревалась отреставрировать особняк и потом получить свидетельство о том, что он является объектом исторического наследия

---

² В американском футболе регулярный сезон – это турнирный этап, предшествующий плей-офф – заключительной стадии турнира.

штата Мичиган³.

Почему все никак не получается вспомнить, где стоит это здание? Я снова попытался отдышаться, но проклятый воздух оказался слишком плотным, слишком тяжелым, чтобы пробиться через мои суженные легкие. Я же был там однажды. Обнимал Криса за плечи, пока он притворялся, будто не плачет. Он все смотрел и смотрел тогда на дом, силясь смириться с тем, что не может себе позволить его приобрести.

Я повстречал Криса в Мичиганском университете – там же, где он познакомился с Эми, но не помню большей части того, что он в те годы рассказывал мне про этот особняк. Как только мой друг переехал в Колорадо и начал карьеру футболиста, а я перебрался ради этого в Даллас, мы больше не возвращались в родной штат, по крайней мере надолго. Исключением были разве что матчи регулярного сезона, которые проводили в Детройте. Как бы то ни было, мой друг все же купил тот самый дом, который не мог себе позволить, когда был спортсменом-первокурсником.

– Напомните, где этот особняк?

Юрист сверился с папкой:

– В округе Гранд-Траверс. Это на северо-западе штата. Неподалеку от озера. Собственность, похоже... – он сдвинул

---

³ В США при получении свидетельства об историческом наследии такая собственность получает налоговые льготы, государственную помощь с обеспечением ее сохранности и доступ к грантам.

брови, пока вчитывался, – достаточно внушительная. Занимает пару акров⁴. Годами, к сожалению, простаивала из-за тяжелого бракоразводного процесса бывших собственников, которые изначально и выкупили ее у бабушки и дедушки Криса.

Я почувствовал, как в груди стало нарастать напряжение. Не сердечный ли приступ?.. Я неуверенно коснулся рубашки.

– Извините, – с трудом выдавил я. – Я просто... Не понимаю.

– Я могу к вам обращаться на «ты»? – спросил мой собеседник.

Я чуть не сорвался и не послал его, но вовремя спохватился и подавил этот импульс. Случившееся не его вина. И не моя тоже. Каким-то чудесным образом я нашел в себе силы слабо кивнуть.

– Берк, я знаю, на тебя свалилось очень многое.

Я недоверчиво фыркнул – сказать мне было нечего. Юрист же оставил мою реакцию без внимания и продолжил:

– Но ты не один. Тебе не придется ни с чем из этого справляться в одиночку. – Он покачал головой. – И я уверен, Крис и Эми не зря в свое время выбрали именно этого координатора проекта: они знали, кому можно довериться.

– А я могу просто... продать этот дом?

---

⁴ Акр – единица измерения площади в США и ряде других стран с английской системой мер. Равняется примерно 0,4 гектара.

Мужчина задумался, и выражение его лица стало печальным.

– Они не оставили четких инструкций по поводу будущего этого дома. Я лишь знаю, что для них многое значил этот особняк и они очень хотели увидеть его отреставрированным. Эми уж точно с нетерпением ждала начала работ.

Я сжал переносицу двумя пальцами:

– А координатор проекта уже знает обо мне?

– Мы пытались связаться с этим человеком, – ответил он. – В списках экспертом по реставрации числится некто по имени Ш. Каннингем. К сожалению, ответа от него не последовало, хотя мы ему и письмо написали, и оставили несколько голосовых сообщений.

Я сидел с закрытыми глазами и слушал: зашелестели бумаги, и вскоре донеслось задумчивое бормотание юриста:

– В любом случае Крис и Эми уже выделили деньги из своего фонда на проведение всех необходимых ремонтных работ, так что у Каннингема не должно быть никаких проблем с получением статуса объекта исторического наследия, а это уже, считай, существенные налоговые льготы. – Он ненадолго замолчал, призадумавшись. – Если, конечно, это то, чего ты хочешь.

В моей душе бушевал целый калейдоскоп ярких и яростных чувств, каждое из которых боролось за первое место. Раздражение и досада. Глубинная тоска и гнев оттого, что моего друга больше нет. Мне не нужен был этот старый дом.

Я не хотел тратить время на всяких координаторов, бюрократию или бюджеты на реставрацию. Я *ничего* из этого не хотел. И как только эти мысли прорвались наружу, вернулся страх. Потому что он – страх – рождался из понимания: я никогда не смогу проигнорировать волю Криса.

– Почему? – спросил я тихо. – Он никогда об этом не говорил.

Юрист пожал плечами.

– Большинство людей в тридцать с небольшим не ожидают, что случится подобное, – ответил он. Мягко, с той самой долей такта, которая должна была заставить прозвучать это заявление уважительно, но мне все равно стало чертовски не по себе. – Уверен, он думал, что у него еще есть время.

Позади стоял ряд чемоданов, набитых моими вещами. Дом в Далласе уже был продан, а мебель ехала в грузовике во Флориду – туда, где я собирался усесться в кресло на пляже, читать, смотреть на океан и наконец-то расслабиться. За три с лишним десятка лет я ни разу так и не позволил себе этого. В южном штате меня с нетерпением ждали сестра, которая, к счастью, совсем недавно развелась, и двое ее маленьких детей. Я как раз купил им в тех краях дом и впервые за десять лет собирался по-настоящему провести время с семьей.

Когда я заработал ноющую боль в колене, а мое самолюбие было уязвлено из-за того, что мне не удалось расстаться с Национальной футбольной лигой на своих условиях, я решил, что уход из спорта – мой второй шанс. Больше никаких

изнурительных тренировок. Больше не придется преследовать чужую иллюзорную мечту всегда побеждать и быть самым лучшим. Больше не придется силком тащить себя на поле. И я наконец-то встречу с последствиями своих решений, из-за которых пожертвовал браком и возможностью завести семью. Бывшая жена так и не смогла смириться с тем, что я всегда буду ставить работу выше ее желаний.

Этот второй шанс должен был дать мне жизнь, полную спокойствия и умиротворения. Жизнь, где одним своим присутствием я смог бы наконец заботиться обо всех, кого люблю. Жизнь, а не убогую развалину, с которой я вообще никаких дел иметь не хотел.

Краем глаза я заметил фотографию в рамке, стоящую на кухонном столе. Мне все никак не хватало сил дотронуться до нее и упаковать. На ней был запечатлен последний матч регулярного сезона на четвертом курсе. На наших лицах – «черный глаз»⁵ капли пота и широкие ухмылки. Крис и я стоим посреди футбольного поля на мичиганском стадионе «Большой дом». Невероятно счастливые, ведь только что одержали победу над Университетом штата Огайо⁶: Крис в последнюю минуту успел перехватить мяч.

---

⁵ «Черный глаз» – это черные полосы, которые игроки наносят себе под глазами перед матчем. Это важный атрибут американского футбола, ведь он позволяет уменьшить на скулах блики от огней стадиона или солнечного света, обычно мешающих увидеть мяч.

⁶ Мичиганский университет и Университет штата Огайо – давние и заклятые соперники, особенно соревнующиеся за первенство в студенческом футболе.

Впереди с большим размахом простиралось будущее. И не было ничего, что могло бы послужить преградой для наших мечтаний. После колледжа⁷ нас уже ждала профессиональная карьера футболистов. Крис нашел любовь всей жизни и по совместительству мать своего ребенка. Нашел то, что все эти годы от меня ускользало. И от абсолютной, мать его, несправедливости, что это ему пришлось уйти, а не мне, хотелось встать и надвое расколоть свой чертов дом, лишь бы выплеснуть накопившуюся злость.

Юрист все молчал, пока я неподвижно сидел за кухонным столом и, будто парализованный, смотрел на снимок, который он даже не видел.

– И что теперь? – вымучил из себя я и встретился взглядом с человеком по ту сторону экрана. – Что мне делать?

Он глубоко вздохнул:

– Я направлю тебе по почте все, что потребуется, но будь готов: информации будет много. Первым делом нужно будет подписать кучу документов, как только мы свяжемся с координатором проекта.

– Ладно, – с досадой ответил я.

– Ну, и ты мог бы, например, – добавил он, – сделать визит в Траверс-Сити, чтобы поглядеть на свою собственность.

Я усмехнулся. И получившийся звук выдал всю мою незаинтересованность. Практически мгновенно вспыхнула го-

---

⁷ Мичиганский университет, как и многие другие в США, состоит из нескольких подразделений – колледжей.

ловная боль, и моя рука переместилась с саднящей груди на лоб. Если хорошенько постараться, можно даже представить, что это стальная лента стискивается вокруг висков – все крепче и крепче. Смутно подумалось, а не лопнет ли в конце концов что-нибудь, что потом уже нельзя будет восстановить.

– Моя собственность... – повторил я. – Что ты можешь о ней рассказать? Я не особо помню ее.

Юрист погрузился в раздумья.

– Она производит сильное впечатление. Вернее, производила, – тут же поправил он себя. – Основное здание, как мне известно, сейчас очень ветхое. Но рядом с ним есть еще гостевой домик, где как раз должен проживать координатор проекта во время реставрации. Сам особняк стоит на четырех краях земли, и в собственность также входят восемьдесят футов⁸ частной прибрежной полосы. К сожалению, все обветшало после смерти бабушки и дедушки Криса. И похоже, на то были свои причины. – Он ненадолго замолчал. – Мы с тобой прекрасно понимаем, что у большинства профессиональных футболистов нет многомиллионных спонсорских сделок. Крис и Эми бережно обращались с деньгами и попусту во что-либо вкладываться не стали бы. Эта инвестиция была рискованной, но они были достаточно уверены в ее значимости для будущего.

---

⁸ Фут – единица измерения длины в английской системе мер. Равняется примерно 0,3 метра.

Каждое его слово эхом отдавалось в моем теле, вызывая странную дрожь, заставляя сжиматься виски, горло, живот и сердце.

– Черт возьми, – процедил я сквозь зубы. – Почему я?

Вопрос был риторическим, и я уж точно не хотел, чтобы на него отвечал какой-то человек, которого я знать не знал. Да я даже не помнил, как его зовут... И все равно пытливо посмотрел ему в глаза:

– Он даже письма не оставил? Вообще никаких комментариев, почему решил выбрать именно меня?

Мужчина вздохнул:

– Если бы я только мог дать тебе больше информации...

И действительно помочь...

– Я понимаю. Просто... я пока все еще пытаюсь переварить все это.

– Такие разговоры нелегко вести, ведь они всегда связаны с чем-то ужасным и трагичным. – Он попытался улыбнуться. – Я встречался с Крисом и Эми только раз, но уже тогда понял, что передо мной люди, которые не станут рисковать, пока тщательно все не обдумают.

Горло болезненно сжалось, как только мой взгляд вновь упал на радостное лицо Криса на фото. На его широченную и непринужденную улыбку, с которой он, как мне казалось, никогда не расставался. Мне не хватало его. В то же время если бы я мог, то тут же пнул бы его по причинному месту за то, что он провернул за моей спиной такую ответственную

штуку, ни разу не поговорив.

Я уперся локтями в стол.

– Что ж... Траверс-Сити, говоришь?

Юрист кивнул:

– Слышал, там очень красиво. Уверен, тебе понравится.

Я не хотел, чтобы мне это место нравилось. Я вообще не хотел его видеть. Я просил лишь об одном – о тишине и спокойствии. Перед глазами промелькнуло лицо Криса. Это яркое и болезненное напоминание. Этот факт, что никого не волнует, хочу я со всем этим разбираться или нет.

Когда разговор с юристом был завершен, я изучил ближайшие рейсы, которые смогли бы доставить меня до маленького аэропорта в Траверс-Сити с пересадкой в Чикаго. Мне вдруг стало очевидно, что тишины и спокойствия в ближайшее время не предвидится.

В письме от юриста был номер телефона Ш. Каннингема – человека, с которым нам в ближайшее время предстояло быть связанными в этом безумии. Я позвонил. Затем задержал дыхание, когда послышались гудки. И еще гудки. И еще. Роботизированный голос сообщил, что номер, по которому я пытаюсь дозвониться, недоступен. Я просто сбросил вызов, не дожидаясь сигнала, чтобы оставить сообщение.

– Черт! – Я кинул телефон на стол.

Каждый из доступных рейсов, включая завтрашний, вызывал во мне приступ паники. И с этой тревогой от неопределенности я жить не привык.

Когда отец внушал мне, что я был рожден играть в футбол, и когда я сам это принял, мое будущее в одночасье стало предельно простым. Цель, к которой я стремился, была ясна как день. Все остальное на втором месте. Все было принесено в жертву – и без разницы, хорошо это или плохо.

Теперь же у меня было два пути: тот, на который я намеревался ступить, и тот, который выбрал за меня этот придурак Крис со своими никому не известными намерениями. Впервые в жизни я был обеспокоен, потому что не знал, что делать. Но как только я оторвал взгляд от бесчисленных коробок и вновь засмотрелся на лицо с фотографии, то смирился с выбором.

– Крис, ну какой же ты козел! – проворчал я. – Не дай бог узнаю, что веской причины у тебя не было.

Затем я написал сестре, что приеду во Флориду гораздо позже. И нажал на кнопку «Забронировать» у самого раннего рейса.

Глава вторая

Шарлотта

– Шарлотта Мария Каннингем, я же знаю, что ты здесь!

Я уткнулась лицом в ладони:

– Нет, меня тут нет.

Тетушка Дафна недовольно фыркнула, но ее тут же заглушил громкий скрип первой ступеньки, ведущей к моей любимой части дома.

– Кто-то должен наконец починить эту дурацкую ступеньку! – пробурчала она. – Кажется, я в любой момент рискую провалиться под лестницу.

– Просто старайся наступать на края ступенек: середина потихоньку прогнивает.

– Ну просто прелесть.

Я улыбнулась, но в этой улыбке было больше грусти, чем веселья. Я любила эти гниющие ступеньки. Любила этот скрип. Мягкие, проседающие места в полу и осыпающуюся штукатурку. С подоконника в спальне на втором этаже, выходящей во двор, я могла часами смотреть сквозь волнистое стекло на участок. Окна выходили на залив, и это был мой любимый вид во всем мире.

Я провела пальцами по неровностям стекла, пока Дафна поднималась по лестнице, ругаясь на каждом шагу.

– А, вот ты где, – сказала она. – Когда увидела, что в сарае пусто, сразу поняла, что ты прячешься здесь.

– Я не прячусь.

Одна ее бровь медленно поползла вверх.

– Ладно. Может, и прячусь немного.

– От чего, Чарли Браун?

Услышав свое детское прозвище, я слабо улыбнулась. Давным-давно так шутливо назвала меня мама, когда я не очень удачно попыталась перекрасить волосы в каштановый цвет.

– От всего, – призналась я. – Не хочу прощаться с этим местом, но не то чтобы у меня будет выбор. – Я оглядела комнату. – Мне казалось, что кто-то уже должен был со мной связаться: юрист по наследству или кто там у них управлял трастом, но я не могу найти чертов телефон. И если честно, даже не знаю, кому бы позвонить, будь он у меня под рукой.

– Так откуда тебе знать, раз ты без телефона? Может, они уже звонили?

Я стрельнула в нее взглядом. Она в свою защиту подняла руки:

– Прости.

Солнце неожиданно пробилось сквозь серые тучи, которыми на всю неделю заволокло небо, и я, словно кошка, склонила голову навстречу его теплу. Когда мичиганская зима наконец-то идет на убыль, тепло и зелень весны, следующие за ней, всегда становятся самым желанным подарком.

Но последние пару недель погода, к сожалению, полностью отражала мое настроение. С тех самых пор, как я узнала, что случилось с Эми и Крисом, синевато-серое небо и холодные ветра стали нависать над их владениями тяжелым, гнетущим грузом.

Я видела его всего один раз. Добрый, любящий муж, который просто пытался почтить память своих бабушки и дедушки. Но именно Эми и ее воодушевление по поводу Кэмпбелл-хауса заряжали всех вокруг. Пока Крис играл в футбол и зарабатывал деньги, которые и сделали все это возможным, мы с Эми засучили, пусть и воображаемо, рукава и принялись за дело.

Мы часами ломали голову над планами, которые теперь аккуратно свернуты и спрятаны в моей спальне в сарае. А теперь я ломаю голову по совершенно другой причине: я не имею ни малейшего понятия, что будет дальше. Каждый раз, когда я переступаю порог этого дома, сердце сжимается. И каждый раз я пытаюсь смириться с мыслью, что он может остаться таким навсегда. Разваливающимся на части. Угасающим с каждой сменой времен года.

– А где твой подрядчик?

– Ушел. – Я прочистила горло, но мой голос все равно опустился до уровня жалкого шепота. – Когда он узнал про аварию, тут же стал расспрашивать, каким образом ему теперь будут платить. Хотел знать, начнем ли мы вообще работать вовремя. Видимо, он еще раз глянул на это место и решил

не рисковать. – Я с трудом проглотила невыносимый ком. – Не могу его винить.

Тетушка Дафна с настороженным видом изучала беспорядок на втором этаже. Потолок пострадал от протечки – первый тревожный сигнал, что крыша требует замены. Вокруг окон и на западной стене мы обнаружили следы термитов, когда вскрыли обшивку, чтобы оценить масштаб разрушений. Бывший строитель – тот, что давно исчез с горизонта, – подозревал серьезные проблемы с конструкцией, но он испарился раньше, чем успел это подтвердить. Список проблем, казалось, не имел конца.

– Так почему ты сидишь здесь в темноте? – спросила она. Браслеты на ее запястье мелодично звякнули, когда она махнула рукой в сторону комнаты. – Как это поможет?

Я прислонилась головой к стене и устало посмотрела на нее:

– Просто снова думаю, как было бы здорово, если бы нам удалось все закончить. А потом хочется рыдать, потому что у меня и близко нет таких денег, чтобы выкупить этот дом, если его выставят на продажу. Потом я начинаю злиться, ведь они были добрыми, светлыми, замечательными людьми, и я не могу смириться с тем, что их больше нет. И наверное, я эгоистка, потому что так сильно горюю из-за дома, который люблю, когда на самом деле умерли двое молодых людей и оставили после себя дочь. – Мой голос дрожал от слез. – Это замкнутый круг. И это так глупо.

Лицо Дафны на мгновение смягчилось. Буквально на секунду. Затем в ее голубых глазах вспыхнула решимость – и что-то в этом взгляде заставило меня напрячься.

– А тебе стало бы легче, если бы кто-то ворвался сюда и спас тебя? – спросила она. В ее вопросе читался явный подтекст.

– Не нужен мне спасатель. Мне скорее нужна новая работа, ведь я-то, наивная, думала, что пробуду здесь ближайшие восемь-девять месяцев. Вот только я и понятия не имею, что конкретно бывшие хозяева планировали сделать с Кэмпбелл-хаусом. Может, ничего и не планировали. Не знаю даже, была ли у них ипотека⁹ и погасили ли они ее. Если дом решат продать, то и не угадаешь, кто его купит и что с ним надумает сделать, – глотала я слезы. – Вдруг новым собственником окажется какой-нибудь застройщик со злодейскими усиками или скользкий адвокат в юбке-карандаше, которые захотят снести особняк и построить на его месте кондоминиум¹⁰.

Глаза Дафны снова пугающе заблестели.

– Да боже, ну что?!

– Что бы ты сказала человеку, который пришел бы к тебе и заявил, что так и собирается сделать?

В голове тут же прозвучало: «Засунь себе свой кондоми-

---

⁹ Ипотечное жилье в том числе можно передавать с помощью траста.

¹⁰ Кондоминиум – многоквартирный дом с товариществом собственников жилья (ТСЖ).

ниум в одно место, жадный придурок». Тетя, должно быть, прочла мои мысли, потому что сразу ехидно улыбнулась. Я всю жизнь была знакома с этой ухмылкой. Она значила: жди беды. Я медленно стала приподниматься, пока не села ровно.

– Дафна, ты что-то знаешь?

– А ты не хочешь сначала спросить, где я вообще только что была?

– Если честно, не особо. Ты все время посещаешь какие-то злачные места.

Она любезно пропустила мои слова мимо ушей.

– Я была в кафе на позднем обеде со своим ухажером.

– Ты уже больше десяти лет спишь с Ричардом и живешь с ним в одной квартире последние лет восемь! Почему нельзя просто называть его своим партнером?

– Ой, мне противны все эти ярлыки, но не суть. Сидели мы с Ричардом себе в уголочке, как вдруг заходит этот высокий темноволосый *красавчик*. – Она чуть подалась вперед, полностью погрузившись в свой рассказ. – Присаживается рядом с Ричардом и начинает задавать кучу вопросов про наш район, а потом как внезапно спросит, знаем ли мы что-то про Кэмпбелл-хаус, потому что в интернете про него информации мало.

Я, конечно, не очень понимала, при чем тут высокий темноволосый красавчик, но, видит бог, уточнять не собиралась.

– Допустим. И что?

– Очевидно, я начала задавать ему кучу вопросов, потому что с какого перепугу какой-то случайный незнакомец, из ниоткуда нагрянувший в наш город, станет расспрашивать именно про тот самый дом, в котором живет и работает моя дорогая крестница?

– Ты сказала ему об этом?

– Черта с два! А если он серийный убийца или работает на правительство?

Моя тетушка-хиппи, не изменявшая взглядам шестидесятых годов¹¹ каким-то чудным образом поставила душегуба и госслужащего в один ряд. Я сдержала улыбку.

– Ладно. А что случилось потом?

Она наклонилась ко мне еще ближе:

– Оказалось, этот мужчина унаследовал дом после смерти Криса и Эми. И он приехал в наш город, чтобы разочек глянуть на особняк, который ему явно не сдался.

– Что? – тотчас ахнула я и крепко схватилась за ее руки. – Выходит, он собирается его продать? Кому?

Дафна покачала головой:

– Без понятия. Наверное, он и сам еще не знает.

– Обалдеть! – Я встала с подоконника и принялась расхаживать по комнате взад и вперед, аккуратно обходя слабые места в полу. – И как его зовут?

– Берк какой-то там, – ответила тетя. – Я прослушала его

---

¹¹ Субкультура хиппи впервые появилась в США в 1960-х годах. Наивысшей точки расцвета движение достигло в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

фамилию, потому что, если уж быть совсем откровенной, – она положила руку на грудь и закрыла глаза, – я засмотрелась на его плечи, губы и руки... Большие такие руки.

– Дафна.

– Он с такой легкостью мог бы закинуть женщину себе на плечо...

Я тяжело вздохнула:

– И ты считаешь, что это как-то помогает?

– Зависит от того, с чем именно тебе нужна помощь, – коротливо захлопала она ресницами. – Мне, может, и за семьдесят, но я по-прежнему умею ценить прекрасные экземпляры человеческого рода. – Она расплылась в довольной улыбке. – Ричард сказал мне прекратить пялиться, когда мы вышли из кафе, но, скажу тебе честно, это было непросто.

– Эти мысли пришли тебе в голову до или после сравнения его с серийным убийцей?

Дафна сделала паузу.

– После.

Я бросила на нее выразительный взгляд. Она ответила тем же.

– У тебя ведь есть план, верно?

– План чего? Я узнала о нем тридцать две секунды назад!

– Шарлотта, у тебя всегда есть план.

– Ну ладно, ладно, – тяжело выдохнула я. – Допустим, я заранее подготовила презентацию в PowerPoint на случай, если вдруг появится кто-то, кто будет сомневаться, нужен ли

ему вообще этот дом.

Тетя скривилась так, будто только что выпила лимонного сока:

– Презентацию в PowerPoint?

Она терпеть не могла компьютеры и регулярно напоминала, что мобильные телефоны ведут к вырождению человечества. В половине случаев, когда мы с Ричардом теряли мобильники, виноватой была Дафна, которая «совершенно случайно» роняла их за диван.

– Презентации бывают крайне эффективны, особенно если к ним подходить с умом. – Я подняла руки, чтобы поправить неряшливый хвост на голове. – Я просто возьму свой ноутбук и все подготовлю к встрече. Главное – показать на отдельном слайде фотографии до и концепты после, выполненные архитектором. Может, если новый собственник увидит их – ну, и проект бюджета, разумеется, – то задумается.

– Прекращай.

– В смысле?

– Ничего не выйдет.

Я со скепсисом на нее посмотрела:

– Тебе-то откуда знать?

– Берк явно из тех, кому по барабану на любые до и после. Он просто хочет поскорее избавиться от этой собственности. – Для большей драматичности она ударила кулаком по воздуху и решительно заявила: – Если хочешь завоевать его расположение, покажи свою страсть, увлеченность, само-

отверженность, а не какую-то там презентацию.

– Так презентация и покажет мою страсть. С мягкими переходами и четким, удобочитаемым шрифтом.

Тетя что-то пробубнила себе под нос, но я точно уловила такие слова, как «целибат» и «неудивительно, что она уже вечность без секса». Я все проигнорировала.

– Все! Я придумала, – вдруг выпалила она.

– Ставлю двадцать баксов на то, что мне это не понравится.

Дафна выпрямилась и двинулась к выходу из комнаты, бросив через плечо:

– Идем.

Нехотя я последовала за ней, на цыпочках спускаясь по огромной лестнице в центре дома. На последних ступеньках, на которые я, конечно, наступала только по краям, я успела пальцами пробежаться по опорной балясине¹². Как же красиво она выглядела бы отреставрированной!

Дафна жестом показала на лестницу:

– Вот твое поле боя.

– Мое что?

Она тут же необъяснимым образом достала из сумочки наручники. Я подняла брови:

– Зачем ты с собой их носишь?

---

¹² Опорные балясины – это стойки в начале и в конце лестничного марша, соединяющие перила и ступени. Стойки между опорными балясинами называются просто балясинами.

– На случай сидячих демонстраций. – Она притянула меня к себе за запястье. – Раньше мы без конца протестовали. Приковывали себя цепью к деревьям, которые правительство намеревалось срубить во имя прогресса, или к крыльцу зданий, которые вот-вот снесут. Эх, в мое время только так дела и делались.

Я вздохнула:

– Да в этом даже логики никакой нет.

– Суть не в логике. Ты же хочешь показать, как много этот дом для тебя значит?

– Ну не наручниками же! – Я стала вырываться, и тетя ослабила хватку. – Он точно подумает, что я выжила из ума, потому что так сейчас о тебе думаю я.

– А вот и нет. Его заразит твоя страсть! Он будет потрясен до глубины души тем, как далеко ты готова зайти ради спасения этой славной крохи мичиганской истории. И все лишь ради того, чтобы будущие поколения знали свои истоки, знали ту силу, с которой прошлое определяет наш завтрашний день.

Я замолчала, будучи под впечатлением.

– Неплохо сказано.

– И нужно всего-то чуточку посидеть в знак протеста.

– Боже, ну не собирается он врываться сюда с бульдозером и шаром для сноса зданий, Дафна!

Неожиданно подъехавший автомобиль подчеркнул тишину, воцарившуюся после того, как я произнесла ее имя.

– Люди перестали это делать не просто так, – добавила я.

– И, по моему скромному мнению, утратили ценное искусство.

– Честно? Я не спрашивала твоего мнения.

Страх сжался внутри меня тугим узлом. Я не была к этому готова. Да у меня и времени-то подготовиться не было. А я ведь так долго и тщательно обдумывала этот миг! Что скажу, что сделаю. И вот он настал, а я в полной беспомощности: все конструктивные мысли превратились в кашу в моей голове. И каша эта состояла из дурацких идей, предложенных Дафной. Хотя это мне мало помогло их запомнить. Но я помню, что он высокий темноволосый красавчик с большими руками и широкими плечами. И, к сожалению, я также помню, что ему вообще не сдалось это место, которое я так безмерно люблю. Этот гнилой разваливающийся дом, который я обожаю всеми фибрами души.

Особняк был не просто работой. Он всегда был чем-то бОльшим для меня. Я бредила этим домом, даже когда с полгода-год жила в других местах, вдыхая в них жизнь. Больше всего было признать: если и есть в мире здание, к которому я приковала бы себя наручниками, то это было именно оно.

– Твою мать, черт возьми, черт-черт-черт! – тихо затараторила я.

Дафна пристально посмотрела мне в глаза:

– Доверься мне.

– О, да я бы доверилась, если бы ты не пыталась надеть на

меня свои проклятые наручники, – прошипела я в ответ.

И тетя воспользовалась замешательством и явной нерешительностью, читавшейся на моем лице, чтобы защелкнуть металлический браслет на моем запястье.

– Сядь на ступеньку.

Я повиновалась. Боже, почему я вообще ее послушалась?

– Стой, эти перила – они же ручной работы... Их специально для этого дома и сделали!

– Ты говорила. – Она просунула мою руку между балясинами. – Ну же, шевелись, а то я не успею выйти через черный ход.

– Это просто дурдом, – распустила я сопли. – Он позвонит в полицию. Меня арестуют.

– Да нет. – Дафна просунула другую мою руку между стойками и решительно защелкнула второй металлический браслет на запястье. – Просто миленько улыбнись, расскажи ему всю эту вдохновляющую речь о том, чем может стать это место, – и он будет у тебя как шелковый.

– Моя речь будет звучать нелепо, потому что из-за тебя толкать ее я буду прикованной наручниками к лестнице.

Тетя в защитном жесте вскинула руки:

– Признаю, не самое мое лучшее решение.

Я злобно зыркнула на нее.

– У тебя волосы растрепаны.

– Спасибо, – процедила я сквозь зубы.

Она наклонилась и неумело убрала пару прядок за уши.

– Прости, Шарли Каштан, но эту сцену мне пора покидать.

– Я тебя никогда не прощу, – бросила я ей вслед.

В ответ она послала мне воздушный поцелуй:

– Удачи!

Как только она затерялась в глубинах дома, я в бессилии положила голову на руки и застонала. Пару мгновений я слышала только хаотичное биение сердца, отдающее в уши, и скрип особняка на ветру. Затем... с улицы донесся громкий хлопок автомобильной двери. Замученная тревогой, я закрыла глаза.

– Это очень и очень плохая идея, – прошептала я.

Глава третья

Берк

Все оказалось гораздо хуже, чем я думал. А ведь к худшему я как раз таки и готовился. Из той коротенькой поездки с Крисом я запомнил лишь гигантские размеры дома. Гигантские окна, гигантскую кучу земли.

Особняк стоял поодаль от дороги, и к нему вела живописная подъездная аллея из высоченных дубов, которые обрамляли асфальтовую дорожку зеленым коридором из листьев. На деревьях местами только-только набухли почки, так что, будь небо ясным, солнечный свет легко просачивался бы между ветвями. И как бы ни была мне ненавистна мысль находиться в этих краях, я волей-неволей представил, какая же красота будет тут осенью. Как огненно-красные оттенки расстилаются ковром по мере того, как подъезжаешь к особняку.

К превеликому сожалению, аллея была единственным приятным моментом. Гостевой домик, маленький, скромный, покрытый, по-видимому, свежим слоем белой краски, оказался пуст, когда я постучал. Это крохотное здание стояло вдали от особняка, спрятавшись за еловой рощей.

Заглянув в окно, я увидел небольшую кухню с гарнитуром теплого коричневого оттенка, темно-красный плюше-

вый диван и плетеный ковер, украшающий широкий дощатый пол. На столешнице оставались кофейная чашка, кипа книг и недоеденный маффин. Все говорило о том, что кто-то находился на территории особняка.

Подъездная дорожка и гостевой дом выглядели еще терпимо, но стоило мне оказаться лицом к главному зданию, как все хорошее закончилось. Игнорировать эту разваливающуюся махину было невозможно. Она выглядела так, будто ее населяют призраки. Или же ей хватит одного сильного шторма, чтобы сложиться, как карточный домик. Я даже не знал, что из этого хуже.

Сам дом был из числа тех громоздких, коробкообразных построек с плоским фасадом. На втором этаже тянулся ряд из шести широких арочных окон. На первом этаже четыре окна находились по обе стороны двери, которая располагалась ровно по центру коробки. Я прищурился, уперев руки в бока, и заметил отколовшуюся черепицу. Треснувшее стекло. Гнилую древесину почти вокруг каждого окна и резную арку над входной дверью. Облицовка выцвела до тоскливого коричневатого-серого, не оставляя и намека на то, какой она была когда-то. Эта развалюха так и напрашивалась на канистру бензина да горящую спичку.

Я стиснул зубы и, не справившись с раздражением, с силой сжал кулаки. Я стоял там же, где и пятнадцать лет назад, – с Крисом, в рубашках с галстуками. Мы только-только похоронили его бабушку. И я знал его всего лишь пару

месяцев, но уже в тот момент с трудом мог переварить даже мысль о том, каково могло быть моему другу наедине со всем этим ужасом. Я впервые увидел его плачущим. Мы впервые обнялись.

«Еще парочка лет – и я обязательно позабочусь об этом месте, – сказал он тогда. – Получу деньги по контракту и сделаю все, чтобы оно осталось таким, каким хотели его видеть бабушка и дедушка. Завещаю его своим детям, или типа того. Им бы хотелось, чтобы в этом доме жила семья, но сейчас я... не способен претворить их мечты в жизнь».

Мне было девятнадцать, и я не представлял, что ответить. Как оказалось, не так уж и страшно было промолчать. Иногда лучшее, что ты можешь предложить тому, кому безумно больно, – это объятие.

Я поглаживал грудь и все смотрел на этот особняк.

– Кто-нибудь дома? – выкрикнул я.

Пространство на миг наполнила тишина, нарушаемая лишь слабым скрипом из дома да шелестом листвы за окном.

– Э-э... Да, тут я, – отозвался женский голос. – Заходите.

– А это обязательно? – проворчал я.

Засомневавшись в том, что дом сумеет потянуть еще бóльшую тяжесть, я сперва проверил ступеньки деревянного крыльца. Когда я остановился, чтобы открыть потускневшую красную дверь, раздался зловещий скрип, но, к счастью, ничего не треснуло и не развалилось.

Внутри особняка было темно настолько, что, даже несмот-

ря на пасмурный, серый день, мне все же пришлось с мину-
ту постоять и подождать, когда глаза привыкнут. Холл был
высотой в два этажа, и я чуть ли не первым делом обратил
внимание на ужасно запачканный потолок. На втором этаже
лестничную площадку обрамляли перила, с которых и начи-
налась величественная лестница. И когда я стал потихоньку
опускать взгляд, рассматривая ограждение, то наконец замети-
л ее, сидящую на нижней ступеньке. Я был обескуражен.
Прищурился.

– Вы что?..

Она беспомощно вскинула руки:

– Привет.

Я не был уверен, улыбалась она или гримасничала.

– Добро пожаловать в Кэмпбелл-хаус.

Моя челюсть упала.

– Вы что, в наручниках?

– Это... – нервно сглотнула она, – такой символический жест. Как мне кажется.

Я недоуменно сжал переносицу.

– Слышала, вы новый собственник. – В ее голосе чувство-
валась тревога. – И я очень надеюсь, что вы не планируете
этот дом сносить, потому что, поверьте, он будет выглядеть
просто невероятно, если его отремонтировать. Планы потря-
сающие, и я с радостью вам их покажу. Кэмпбелл... Кэмп-
белл-хаус – один из лучших примеров подлинной федераль-

ной архитектуры¹³ в округе, а как только мы получим свидетельство об историческом наследии, так вас сразу будут ждать значимые налоговые льготы и несколько направлений дохода.

Моя рука медленно соскользнула с лица, и я вновь посмотрел на девушку перед собой. Из-за ее позы было сложно понять, какого она роста, но в тусклом свете я по крайней мере мог сделать вывод о том, что ей под тридцать. У нее были темно-рыжие волосы, и с такого ракурса она очень напоминала мне статуэтку, что стояла у отца в кабинете. Куда бы мы ни переезжали – а после смерти мамы переезжали мы много, – он первым делом распаковывал фигурку женщины, сидящей на садовой скамье. Отец всегда говорил, что она похожа на маму.

Раньше мне казалось, что нет в мире человека, который выглядел бы точь-в-точь как та старомодная статуэтка: прямой нос, высокие скулы, большие искренние глаза. Мне так казалось, пока я не встретил эту девушку. Она будто прибыла прямиком из прошлого. Если б не проклятые наручники, я бы засомневался, не призрак ли она, застрявший в этом доме.

Я глубоко вздохнул и спросил:
– Как вас зовут?

---

¹³ Федеральная архитектура – название раннего этапа в развитии архитектуры на территории США. Его особенностью является сочетание георгианской архитектуры с элементами классицизма. Здания в такой стилистике возводились на рубеже XVIII и XIX веков.

Ожидая ее ответа, я вновь ощутил тот самый ужас, который то и дело возникал во время моего разговора с юристом.

– Ш-Шарлотта, – сказала она.

Шарлотта. Ш. Каннингем. Черт. Я кивнул, попытавшись не думать о том, что из всех возможных сценариев мне только что достался наихудший – тот, где в моей собственности был дом, в придачу с которым шла рыжая девчонка, готовая тут же приковать себя к лестнице.

– А вас?

– Берк Барретт.

Она кивнула.

– Я бы пожала вам руку, да вот... – Она повела плечом.

Если эта девушка пыталась сейчас меня рассмешить, то попытка ее с треском провалилась.

– Значит, Шарлотта. А фамилии у вас нет?

– Каннингем, – медленно произнесла она, нахмутив брови.

Мой смешок, вырвавшийся на выдохе, исходил из самого нутра.

– Разумеется, – горько подытожил я.

Девушка заерзала на месте.

– Ладно. Как... Как насчет начать сначала? Меня зовут Шарлотта Каннингем, и меня наняли в качестве координатора проекта, чтобы помочь отреставрировать дом с максимально возможной исторической точностью. – Она приподняла подбородок, в ее голосе слышалась уверенность. –

Я магистр исторических наук. У меня также есть сертификат о пройденных в Корнеллском университете¹⁴ курсах по устойчивому сохранению культурно-исторического наследия. Моя специализация – конец тысяча восьмисотых годов, и я готова всю себя посвятить данному проекту, лишь бы этот особняк стал именно таким, каким хотели его видеть Эми и Крис.

Хотели. В груди все сжалось оттого, что она упомянула их в прошедшем времени. Должно быть, Шарлотта увидела, как я невольно изменился в лице, ведь взгляд ее огромных глаз стал мягче.

– Вы были близки.

И я выдержал этот взгляд.

– Да. Мы с Крисом вместе играли в футбол в колледже.

Она пристально оглядела меня с ног до головы, на мгновение задержав взгляд на руках.

– Это многое объясняет.

– Да вы что? – Мой голос прозвучал угрожающе.

Она испуганно сжала кулаки, и звук ударившихся о дерево наручников отвлек нас обоих, разрядив обстановку. Ну, или это были не наручники; не важно.

– А где ключи?

И снова передо мной эта не то улыбка, не то гримаса.

– Не уверена, что знаю, где они. Видите ли, моя тетя, которая это преступление и организовала, решила их не остав-

---

¹⁴ Один из крупнейших и известнейших университетов США.

лять.

На моем лице дрогнул мускул, когда она настороженно взглянула на меня.

– И как предлагаете вас отсюда доставать? У вас есть телефон, с которого я мог бы ей позвонить?

– Э-э, так вышло, что мой телефон где-то затерялся, – осторожно призналась Шарлотта.

Я провел языком по зубам и решил ответить ее же словами:

– Это многое объясняет.

Мой тон ей явно не понравился.

– Мне показалось или вы сейчас насмехались надо мной? Меня уволят? Клянусь, это не я придумала, обычно я предпочитаю не нарушать закон ни при каких обстоятельствах.

Ничего не сказав, я присел у основания лестницы и оглядел перила между ее руками. Дерево выглядело так, будто едва справлялось с весом лестницы, не говоря уже о взрослой женщине на ней. Я бы мог, конечно, сообщить Шарлотте, что никаких законов она не нарушала и увольнять ее я не собираюсь. Но не сообщил. Я присел на корточки так близко к ней, как обычно в обществе было не принято. Она же продолжала сидеть не шелохнувшись.

– Я понимаю, это странный способ познакомиться, но очень рада, что вы здесь, – сказала она. – Последние несколько недель я ждала, что дом уйдет с молотка, что мне придется оставить его в таком состоянии... А теперь все иначе. Это

огромное облегчение.

– Да ну? – пробормотал я.

Она восприняла это как прямой вопрос.

– Да. То есть... я надеюсь, что меня сейчас не уволят.

Ее попытка завести разговор встретила мое упорное молчание. Я не собирался облегчать ей задачу. Она, черт возьми, приковала себя к лестнице – не самый умный способ произвести впечатление на нового босса.

– Я... я вообще-то не получала зарплату за последний месяц, – проговорила она, нарочито спокойно. – И строитель, которого мы наняли, уволился. Но все нормально. Мы разберемся.

От нее пахло лимоном. И чистотой. У нее были длинные изящные пальцы, и я изо всех сил старался не коснуться ни одного миллиметра ее кожи, когда проверял прочность наручников.

– То есть... они настоящие? – пробормотал я.

– Не мои, – отчеканила она. – Я никогда...

На этой фразе она запнулась. Я приподнял бровь, дожидаясь продолжения. Ее щеки покрылись румянцем, но она так и не закончила предложение. Если бы я был чуть добрее, сказал бы, что и сам никогда не пользовался наручниками. Сказал бы что-то, чтобы ей стало легче. Но мне было не до того. Я был раздражен, устал и хотел оказаться где угодно, только не здесь – не в этом темном холле рядом с симпатичной рыжеволосой женщиной, с которой мне теперь предсто-

ит работать бок о бок весь долгий период ремонта.

Мне хотелось на пляж. Хотелось, чтобы солнце ласкало лицо, а в руках покоилась баночка холодного пива. Чтобы на коленях была книжка, которую я читал бы по настроению. И чтобы можно было беззаботно играть с племянниками.

Я сидел рядом с Шарлоттой, изучая ее запах и цвет волос. Чем дольше я оставался в таком неудобном положении, тем сильнее болело колено. Из-за этой боли я спешно схватился за ближайшую балясину аккуратно у перил. Древесина слегка прогнулась под напором, что немного меня обнадежило. Шарлотта переводила взгляд с перил на меня. Затем она недовольно нахмурилась.

– Закрой глаза, – предупредил ее я.

Она не послушалась. Наоборот, прищурилась как можно сильнее, вглядываясь в то место, где я сжал ладони.

– Даже не смей...

Я резко вырвал стойку. И одновременно с треском ломающегося дерева Шарлотта потрясенно ахнула:

– Да ведь ее же по заказу сделали!

– Поздравляю, теперь ты не прикована к лестнице. – Я встал. – Раньше надо было думать о всяких заказах.

– Это была ручная работа для мистера Кэмпбелла. – Ее глаза заблестели от злости. – Больше нигде не найти таких балясин.

– Да мне плевать, пусть хоть ступени вырезали древесные феи с помощью своих позолоченных крылышек. У тебя не

было ключа, а я не собираюсь вести с тобой деловые беседы, пока ты прикована к этой чертовой лестнице.

Мой голос гулким эхом разнесся по холлу. Не то чтобы я кричал, но получилось достаточно громко, из-за чего я опустил взгляд и выругался себе под нос.

Шарлотта внимательно наблюдала за мной, прижав руки к груди. Они все еще были в наручниках, но зато теперь свободны от перил.

– Спасибо, что освободил меня, – тихо произнесла она.

Я кивнул. Она вздохнула и стала аккуратно подниматься, опасливо поглядывая в сторону перил. И тут я невольно отступил. Шарлотта Каннингем была высокого роста, с длинными волосами. И сейчас, когда она выпрямилась, ее рыжая макушка была даже выше моего подбородка.

– Ты высокая, – заметил я. Как последний болван.

Она натянуто улыбнулась:

– А ты очень наблюдательный.

Если к концу нашей встречи я не сотру зубы в пыль, то случится самое настоящее чудо.

– Можем продолжить наш разговор снаружи?

Шарлотта кивнула. Я пропустил ее вперед и с удивлением заметил, с каким изяществом она проследовала на улицу, гордо подняв подбородок, словно на ней и не было наручников. Когда она стала намеренно наступать именно на левую часть ступенек крыльца, я последовал ее примеру.

Перед гостевым домом стоял небольшой комплект улич-

ной мебели, и Шарлотта заняла один из стульев. Сложив руки на коленях, она пристально посмотрела на меня, как только я сел.

– Почему ты была прикована к лестнице? – спросил я.

Шарлотта облизала губы. Когда она сжала их, я заметил ямочку на ее правой щеке. И возненавидел себя за то, что обратил на это внимание.

– Моя тетя была в кафе, когда ты зашел туда на обед, – сказала она, – и... Ну, она немного хиппи. Обожает вспоминать времена антивоенных протестов. Она решила, что это будет лучше, чем просто показать тебе презентацию.

Я провел рукой по лицу, прежде чем решился заговорить, не боясь заорать:

– Длинные седые волосы? Куча браслетов? И задает кучу неудобных вопросов?

– Ага, это Дафна.

Я молча смотрел в ее глаза, пока под тяжестью моего взгляда Шарлотта не начала ерзать на стуле.

– Было бы здорово, если бы ты не потеряла телефон. Даже не просто здорово: все было бы гораздо проще.

– Проще? – приподняла бровь Шарлотта. – Как, например?

– Ну, ты бы не стала устраивать весь этот перформанс, если бы заранее знала, что я приеду и с какими целями.

– А. – Она прокашлялась. – Это...

– Когда достанешь свой мобильник, то обнаружишь не

меньше четырех голосовых сообщений от юриста по поводу собственности Криса и Эми.

На ее щеках вспыхнул легкий румянец.

– И что он в них сказал?

– Что, оказывается, ручники были излишни, ведь я не собираюсь продавать Кэмпбелл-хаус. Крис и Эми хотели, чтобы дом был отреставрирован, – значит, так и будет. Но мне потребуется помощь.

Вена на ее шее бешено запульсировала.

– Не собираешься продавать?

Я медленно покачал головой.

– Хорошо, а кто приедет помогать?

Я прорычал, ни разу не моргнув:

– Никто не приедет: помощь уже здесь. Готовая приковать себя к особняку, лишь бы не уходить.

– Серьезно? – Ее челюсть отвисла. – Я не потеряю работу?

Я нарочито выразительно посмотрел на ее металлические оковы:

– К превеликому моему сожалению.

Шарлотта, на удивление, даже не возмутилась.

– Тогда зачем ты сказал моей тете и Ричарду, что собираешься продавать дом?

– Это был слепой оптимизм.

– А ты всегда такой дружелюбный с незнакомцами?

– Сарказм тут не приветствуется. Помни, что это я плачу тебе за реставрацию особняка.

Она кивнула, но так, словно услышала в моем ответе гораздо больше.

– Что?

Девушка вздохнула, поудобнее расположившись на стуле.

– Я бы предложила показать тебе дом. Рассказала бы, как познакомилась с Крисом и Эми и почему мы все так любили это место. Но не буду. Не хочу без толку сотрясать воздух.

– И что, даже презентацию не покажешь?

Я не знал, откуда взялась эта вредная и саркастическая версия меня. Я никогда в жизни так не разговаривал с женщиной – особенно с той, которая с первой же минуты показалась мне привлекательной. И уж точно не с той, чья задача заключалась в том, чтобы хоть как-то облегчить мне все это безумие. Но я не мог остановиться. У Шарлотты Каннингем, похоже, была невероятная способность пробуждать во мне все самое плохое. Видимо, как раз из-за того, что я считал ее привлекательной. Закон подлости.

– Ни за что. Она только для славных малых. Может, ты заслужишь это право, когда пробудешь здесь подольше.

– А ты быстро набираешься дерзости, если тебя выпустить из заточения, – присвистнул я.

Она подняла руки, зазвенев металлом:

– Не сказала бы, что выпущена.

– Что ж, моему пути искупления через твои презентации придется все-таки подождать, – сказал я. – Утром я уже уеду.

Она уронила руки, не ожидая такой резкой смены темы

разговора:

– Что?

– Завтра мне нужно быть во Флориде. Сегодня я планировал просто подписать документы в банке, встретить тебя и убедиться, что ты ничего противозаконного делать не станешь... – Я медленно поднял брови. – Хотя насчет последнего уже сомневаюсь.

К сожалению, собеседница на мою шутку никак не отреагировала.

– Но ты же только пришел! Нам нужно обсудить бюджет и сроки. Найти нового подрядчика.

– Ну, ты ведь координатор проекта. Разве это не входит в твои обязанности?

– Ты только что говорил, что хотел бы меня уволить, а теперь, получается, вообще отказываешься от участия в этом проекте?

Было почти забавно, как менялся оттенок ее карих глаз, когда она злилась. К сожалению для нас двоих, в самой ситуации не было ничего веселого. Сам факт того, что я здесь, под пристальным взглядом этого дома и Шарлотты, вызывал во мне напряжение и дискомфорт. Каждое пустое окно гостевого дома я воспринимал как жуткий и осуждающий взгляд, следивший за любым моим шагом. Если бы у дома был мозг, он бы тоже наверняка задался вопросом: «Какого черта тебе в голову взбрело, Крис?» И если Шарлотта тоже им задавалась, то я вынужден был признать, что восхищен

ее выдержкой, раз вслух она ничего не сказала.

– Я не отказываюсь от участия, – сказал я ей. – Но я не могу остаться. У меня есть и другие обязанности, мне нужно вернуться во Флориду.

Я достал телефон и отправил сообщение на ее номер: «Когда найдешь телефон, посмотри, что я тебе написал. Дай знать, как решишь вопрос с подрядчиком».

Она сдавленно выдохнула:

– Да нам нужно решить еще столько вопросов! Ты не можешь просто уйти.

– Нет, могу. Но если хочешь знать мое мнение, – я нагнулся к ней как можно ближе, – то было бы куда легче не решать эти вопросы, а снести к чертовой матери дом и начать все с чистого листа.

– Нет, – мгновенно возразила она. – Не легче. Крис и Эми не собирались идти легким путем. В противном случае они просто купили бы участок земли и поставили бы на нем бездушный типовой дом, который можно ремонтировать еженедельно.

Я вдруг задумался о том, что сказал Крис тогда, во дворе, но тут же подавил это воспоминание, сослал его куда подальше, на задворки сознания, откуда ему меня не достать. Я откинулся на спинку стула и оглядел Шарлотту:

– Красиво сказано. У тебя так и в презентации написано?

– Слушай, а вот скажи, в футбол играть легко? – неожиданно спросила она. – Ну, то есть в тот, который професси-

ональный.

Я многозначительно на нее посмотрел:

– Нелегко. А ты что, смотришь матчи?

– Я считаю футбол варварским видом спорта, к тому же очень переоцененным, если уж тебе правда стало интересно мое мнение.

– Да нет, не думаю, что я им интересовался.

Она улыбнулась:

– Тогда нечего было спрашивать.

У меня аж челюсть разболелась от того, с какой силой я ее сжал.

– Все еще играешь? – Шарлотта вскинула бровь.

Я медленно выпрямил ногу, и мышцы вокруг колена протестующе заныли.

– Нет, недавно ушел из большого спорта.

– А обмены между командами бывают?

– Периодически.

Она деловито сложила на столе свои руки, все еще закованные в цепи.

– И что, они тогда сносят все подчистую? Увольняют всех подряд?

Я медленно вздохнул, отказываясь отвечать. Мне куда больше нравилось, когда она была прикована к лестнице.

– Стирают весь состав до нуля и начинают заново – с блестящими новыми игроками, тренерами, координаторами? – продолжала она. – Разве это не проще?

– Я думаю, хватит уже этих аналогий.

– Знаешь, я с радостью замолчу, если пойму, что выразилась достаточно ясно.

Я одарил ее мрачной улыбкой:

– Даже слишком. И я все еще не хочу возиться с восстановлением дома, который вот-вот рухнет.

– Ну... Не похоже, чтобы у тебя был выбор. Если ты, конечно, хочешь исполнить последнюю волю друга. – Это было сказано ею не со зла, но каким-то образом так стало даже хуже.

– Я просто хочу, чтобы исполнение его воли не поглотило остаток моей жизни. – Я сложил руки на столе, повторяя позу Шарлотты. Между кончиками наших пальцев было лишь несколько дюймов, и на долю секунды я заметил, как Шарлотта смотрит на мои руки. Затем я продолжил:

– На этом этапе я бы хотел, чтобы все складывалось легко и гладко. У меня было достаточно трудностей в прошлом. Я устал. У меня есть семья, и я бы хотел проводить время с ней. А это, – я показал на дом позади девушки, – только все усложняет.

– Вероятно.

– Наконец-то мы хоть в чем-то солидарны.

Шарлотта оглянулась и вздохнула, опустив плечи.

– И что теперь?

– Я продам его тебе. – Мы обменялись пристальными взглядами. – И тогда ты воплотишь все их мечты в жизнь,

раз у тебя на руках есть чертежи.

– Что ж, будь у меня средства на такую авантюру, я бы обязательно согласилась, – горько улыбнулась девушка.

Точно. Она уже месяц сидит без зарплаты. Нужно обсудить этот вопрос с доверительным собственником, дальше так продолжаться не может. Я потянулся к бумажнику и быстро вынул оттуда несколько банкнот.

– Я не знаю, сколько тебе сейчас задолжали, – обратился я к Шарлотте. – Но это уже хоть что-то. Я сейчас схожу в банк и подумаю, как заплатить тебе через наследственный фонд¹⁵.

Когда я пододвинул к ней небольшую стопку купюр, то ожидал, что она тут же ее заберет. Но нет, Шарлотта просто пристально смотрела на мое лицо. Но я не дрогнул, встретившись с ней взглядом. Пусть я и не хотел знать, но задался вопросом, что же она такое видела сейчас во мне. Если я был ей ненавистен, то неудивительно. Более того, наверное, именно ее ненависть я и заслуживаю.

Я чуть приподнял подбородок:

– Собираешься все деловые беседы вести в наручниках?

– Искренне надеюсь, что нет.

Тогда я обратил внимание на беспорядок на ее голове:

– У тебя нет шпильки?

---

¹⁵ Денежные средства, собственность и другие активы передаются в управление трастовому управляющему (доверительному собственнику) и формируют трастовый фонд. В дальнейшем управляющий распределяет имущество и высылает деньги бенефициарам в соответствии с юридически заключенным с учредителем траста договором. Управляющий не может отклоняться от его условий.

– Ой! Есть.

Она зарылась в свой хвост. Наши пальцы соприкоснулись, когда она протянула мне крохотный металлический предмет. Я всеми силами попытался проигнорировать возникшее чувство: по всему телу разошелся ток просто от одного этого касания. Шарлотта молча наблюдала, как я отгибаю в сторону шпильку.

– Можно? – спросил я, протянув ей ладонь.

Она с трудом проглотила образовавшийся в горле ком и только после этого вложила свою руку в мою. Ее ладонь была гораздо меньше моей, и я ощущал приятную прохладу и гладкость ее кожи.

Мы и словом не обмолвились, пока я вставлял загнутую шпильку в отверстие для ключа. Наше положение в этот момент было каким-то слишком интимным, хотя должно было чувствоваться иначе. Это же смешно. Нелепо. Особенно после получасовой ругани. Но я не мог не думать о том, что сказала Шарлотта. Это такой символизм. Я надолго застрял здесь с ней, а она – со мной.

На светлой коже ее руки остались красные следы от наручников, и я изо всех сил старался их не замечать. Так же как старался не обращать внимания на тонкие дорожки голубых вен, проступающие у нее на запястье.

Шарлотта резко вдохнула, когда я повернул шпильку в нужное положение сначала на одном замке, потом на втором. И в ту же секунду, когда раздался характерный щелчок, на-

ши взгляды встретились. Наручники раскрылись, и она облегченно выдохнула, тут же прижимая руки к себе и начиная осторожно растирать покрасневшую кожу на запястьях.

– Полезные у тебя навыки, – сказала она.

Я подвесил наручники на кончике пальца:

– Вернуть?

Она мягко прокашлялась:

– Думаю, да.

Как только я отдал ей наручники, мы вновь погрузились в молчание. По лицу Шарлотты я видел, что она собирается предложить мне показать дом, прекрасно, черт возьми, при этом зная, что я откажусь. Но она же была добрее, дружелюбнее, вежливее меня. И конечно, будет стараться изо всех сил, чтобы этот проект претворился в жизнь. Вот почему я резко встал, сжав челюсти. Мое колено почти закричало от боли. А может, это был крик моей совести, ведь я явно вел себя как придурок.

Шарлотта с трепетом наблюдала за моими движениями.

– Уходишь?

– Постарайся найти телефон, – сказал я. – И напиши, если будет что-то нужно.

Она встала следом, медленно выдохнув:

– Слушаюсь, начальник.

Я вскинул бровь, и она холодно встретила мой взгляд. Вместо того чтобы вежливо попрощаться и пообещать, что вернусь такого-то числа, я просто прошел мимо Шарлотты

Каннингем и уехал.

Глава четвертая

Шарлотта

Ну что сказать... Тридцать минут я стояла и смотрела в одну точку, пытаюсь осознать, что только что произошло. За это время неразбериха в моей голове так и не породила ни одной внятной мысли. Я определенно не почувствовала себя лучше. Никакого облегчения, от которого расслабляются плечи, не наступило – даже несмотря на то, что широкоплечее темноволосое грозное облако наконец исчезло. Да что с ним не так? Топают ногами, смотрит своими печальными глазками, ведет себя угрюмо, даже загадочно. Как будто это моя вина, что ему достался Кэмпбелл-хаус. И видно, он его не заслужил. Зато... он хотя бы не собирался его продавать.

Качнув головой, я отправилась в гостевой домик и сделала глоток остывшего кофе. Я скривилась от отвращения и вылила остатки в раковину. Затем, схватив холщовую сумку, набитую под завязку образцами красок и тканей, вышла на улицу. Сделав быстрый обход вокруг основного здания, я покинула территорию Кэмпбелл-хауса через задний двор. Мой путь пролегал через рожицу у залива, так что я могла со спокойной совестью идти до Дафны целых двадцать минут и думать о своем. Не то чтобы мне это помогло. Я все еще оставалась раздраженной, когда открыла заднюю дверь

дома тетушки.

– Ты здесь? – позвала я.

На кухне стоял Ричард с руками по локоть в муке и замешивал тесто.

– Она ушла в магазин, – ответил он.

Я тяжело вздохнула и уселась у маленького кухонного стола. Мужчина смерил меня обеспокоенным взглядом:

– Ты выглядишь какой-то несчастной.

– Она тебе что-нибудь говорила про наручники?

Судя по тому, как Ричард тут же отвел глаза, ответ был положительный.

– Если что, они в сумке, можешь забрать, – склонила я голову. – Хотя, конечно, было бы лучше, если бы я их уничтожила, лишив Дафну доступа к таким вещам.

Он прокашлялся:

– Не думаю, что это помогло бы.

Ну конечно, у нее их несколько штук. Я покачала головой, невольно ухмыльнувшись. Ричард был полной противоположностью моей тети. Последние десять лет он, такой тихий, добропорядочный и ответственный, остается опорой нашей маленькой семьи.

– Что готовишь? – спросила я.

– Фокаччу¹⁶ с чесноком и розмарином.

Я развалилась на стуле и одобрительно замурлыкала:

---

¹⁶ Итальянская пшеничная лепешка, тесто которой делается из муки, воды и оливкового масла. Бывает сладкой или соленой.

– Ням!

Тишину нарушил шум неожиданно приехавшей машины. Как и всегда, я с интересом пронаблюдала за тем, как на лице Ричарда возникла умиротворенная улыбка, едва Дафна оказалась на пороге. У меня все никак не укладывались в голове их чудные отношения. Легонько поцеловав возлюбленного в губы, тетя свалила все свои пакеты на столешницу.

– Моя дорогая племяшка, – заворковала она. – Смотрю, ты выжила.

– Точно не благодаря тебе! – Порывшись в сумке, я вытащила сломанную балясину, которую прихватила по дороге сюда. – Держи, принесла тебе.

Недоверчиво нахмурившись, она взяла предмет в руки.

– И что это?

– Балясина, которую он оторвал, ведь ты не удосужилась оставить мне ключи.

Дафна вздрогнула. Ричард присвистнул.

– Ну что, ты будешь платить за новую? Если я, конечно, вообще найду того, кто решится воссоздать ее точную копию, – развела я руками. – Потому что от большого и высокого Берка с гигантскими руками денег можно не ждать.

– Ой-ей... – Дафна положила балясину на стол. – Все настолько плохо?

Пока Ричард перекладывал тесто в миску, чтобы оно отдохнуло, а Дафна доставала из буфета свой перекус, я вкратце рассказывала обоим, что произошло ранее. Их лица по-

стоянно менялись: то ужас, то сдерживаемый смех, то жалость.

– А он и правда мне показался знакомым, – поделился Ричард. – Прекрасный игрок. Пусть ни разу и не был нагажден, зато считался очень уважаемым футболистом. Даже установил в Мичигане рекорд по сэку¹⁷ а ведь предыдущий держался лет тридцать. С тех пор никто и близко не подошел к этому результату.

Я захлопала глазами:

– Понятия не имею, что это значит.

Он улыбнулся:

– Чем большее количество раз игрок сваливал на газон квотербека за свою карьеру, тем выше его рекорд. У Барретта он был где-то... тридцать шесть.

– Квотербек – это кто-то такой главный и крутой, да?

– Да, – терпеливо кивнул Ричард.

Дафна усмехнулась.

– Не смотри на меня так! – обратилась я уже к ней. – Откуда у меня могло быть время смотреть футбол? Когда мы с мамой сюда переехали, она отказывалась включать по телевизору программы, которые смотрел отец. Мне кажется, я лет пять никакого спорта на экране не видела, пока она не сдалась и не разрешила бейсбольные матчи из-за своей люб-

---

¹⁷ Сэк в американском футболе – это положение в игре, когда защитнику удается свалить атакующего игрока (квотербека) противоположной команды на землю до того, как тот отдаст пас или в принципе избавится от мяча.

ви к «Тайгерс».

– Ты хоть знаешь, где на поле стоит питчер¹⁸? – Дафна нежно похлопала меня по руке. Жест получился лишь отчасти снисходительным.

Я закатила глаза:

– Оттого что человек разбирается в спорте, он не обязательно становится интереснее.

– Не становится, но твой явный отказ хотя бы поверхностно ознакомиться с видами спорта объясняет, почему дальнейшие свиданий дело у тебя не заходит.

– Мужчины должны уметь поддерживать разговор не только о спорте, – ткнула я в нее пальцем. – И в отношениях я не состою по другой причине.

– Ох, дорогая, знаем-знаем.

– И что это значит?

Дафна заносчиво улыбнулась:

– Я не имела в виду ничего плохого. Просто в твоей голове сидит вполне конкретный образ мужчины: он должен интересоваться тобой сильнее работы. И, к сожалению, чудо такое ты пока так и не встретила. В этом нет ничего предосудительного.

Тело зазудело от раздражения. Такое случалось всякий раз, стоило тете начать разбираться в причинах, по которым

---

¹⁸ Питчер – это обороняющийся игрок в бейсболе, подающий мяч нападающему противоположной команды так, чтобы тот не смог успешно ударить по нему битой.

у меня еще не было парня.

Я встала из-за стола:

– Лепешку ждать позже?

Ричард кивнул. Я оставила без внимания его многозначительный взгляд.

– Я засуну тесто в духовку где-то через час. Напишу, как все будет готово.

– Ага, я вернусь, – добавила я. – И если что, телефон я потеряла.

– Опять?!

Мы вдвоем уставились на Дафну.

– Это не я, честное слово! – вскинула она руки, защищаясь.

– Уверена, я скоро его найду.

Я помахала на прощание, выходя из их дома – небольшого ранчо, стоящего чуть в стороне от дороги, совсем как Кэмпбелл-хаус. Вместо четырех акров земли и длинной полосы побережья у Дафны и Ричарда был крохотный каменистый участок пляжа, расположенный как раз на изгибе залива. Когда они только въехали в дом, Ричард пристроил к нему деревянный настил – достаточно длинный, чтобы можно было разбежаться и прыгнуть прямо в воду.

Здесь я и проводила все лето, когда в этом городе стали жить и мы с мамой. А я тайком пробиралась в Кэмпбелл-хаус по вытопанной лесной тропинке. Мои вылазки длились всего пару месяцев, пока бабушка Криса, на которую рабо-

тала моя мама, не умерла.

По той тропинке я могла идти с закрытыми глазами. Я прекрасно помнила, где стоит обойти корень, выпирающий из земли. Помнила, где свернуть, чтобы очутиться рядом с кустом форзиции, который весной покрывался ярко-желтыми цветками. Не каждая моя работа была такой. Конечно, предыдущие четыре проекта оставили неизгладимый след в моей душе, но Кэмпбелл-хаус все-таки владел всем сердцем. Полностью. И риск, что он так и останется в запустении, стоил наручников и протестов, сколь бы плохие решения Дафна ни принимала.

С этой мыслью я сделала последний поворот на дорожке, широко улыбаясь. И вдруг замерла. Он вернулся. Берк смотрел на здание так, будто не сбежал из него час назад. Я наконец-то могла спокойно изучить его со стороны. Его руки покоились на бедрах – большие руки на узких бедрах... К черту твои комментарии, Дафна!

Мне не хотелось испытывать к нему неприязнь и уж тем более страх. Я ведь собиралась довериться ему, рассчитывая, что он доведет дело до конца. Я медленно выдохнула, подтянула сумку на плече и обошла здание сбоку. Несмотря на то что с такого расстояния сложно было разглядеть его лицо, стало очевидно, что Берк заметил меня: все его тело застыло, словно он был статуей.

– Решил вернуться пораньше? – спросила я.

Даже находясь в нескольких шагах, я заметила, как жел-

ваки заходили на его покрытом щетиной лице.

– Нужны твои банковские реквизиты, иначе я не смогу провести электронный платеж.

– А-а-а...

– И если бы у тебя был телефон, мне бы не пришлось возвращаться.

Я прочистила горло:

– Справедливо.

– Ты пробовала пройтись по местам, где успела побывать?

На мгновение я задумалась, заметил ли он, как задергался мой глаз. Пробовала ли я пройтись по местам, где успела побывать? Так и веяло ядовитым высокомерием. И этот яд я была готова залить ему как можно глубже в глотку.

– В последние пару дней мне пришлось много ходить, – пожалала я плечами. – Практически по всему Траверс-Сити, и, похоже, никто из местных до сих пор так и не наткнулся на мой телефон.

– Ты выглядишь недостаточно обеспокоенной.

– Ну, я рано или поздно найду его. Всегда ведь находила.

Мы погрузились в молчание, и внимание Берка снова переключилось на дом.

– Уверен, что не хочешь осмотреться? Раз уж ты все равно здесь, – поинтересовалась я.

Он продолжал еще минуту смотреть на особняк, так отчаянно нуждающийся в ремонте. И я задумалась: что именно Берк видел? С высокой долей вероятности он просто подме-

чал, к чему можно придраться, считая недостатками те элементы, которые были для меня историей – тем, что правда можно привести в порядок.

Выцветшие пятна на фасаде в тех местах, где когда-то просто убрали ставни, не поставив ничего взамен. Дыры, обнажающие целые слои старых обоев и краски, которые рассказывают о решениях, принятых жильцами в прошлом. Вмятины и царапины на полу. Все это не было дефектом, тем, от чего нужно немедленно избавляться. Нет, это все было отражением той жизни, которая здесь протекала.

– Ладно.

Я удивленно уставилась на него:

– Правда?

– Будет нелишним узнать, с чем предстоит иметь дело. Раз я пока еще не принял никакого решения.

Я с трудом сглотнула, а в голове заметались разные мысли.

– Так... Тогда давай я сейчас сбегая за чертежами, которые подготовил наш первый подрядчик.

Берк выставил вперед руку:

– Нет. Просто... покажи мне дом.

– Хорошо.

Я продолжала бешено кивать, пока поднималась по ступенькам следом за ним.

– Ну, само собой, вход ты уже видел. Строения в два этажа очень характерны для архитектуры колониального Воз...

– Стой.

– У тебя вопросы?

– Не надо никаких исторических комментариев, – заявил он.

– Чего? – У меня отвисла челюсть.

Его лицо не изменилось, взгляд оставался непреклонным. На секунду я даже представила его на футбольном поле. Тот самый момент, когда он набрасывается на квотербека, любой ценой намереваясь сбить того с ног. Должно быть, ужасающее зрелище.

– Если у меня будут вопросы, я их задам, – произнес он. – Но знать о том, что этот оконный проем был сделан с помощью ручного плуга самого Джорджа Вашингтона, я не хочу.

– Вообще-то Вашингтон жил за сотню лет до того, как этот дом был построен, но как хочешь... Могу и не комментировать.

Козлина. Берк прищурился, словно оскорбила я его вслух, затем просто вздохнул и перевел взгляд на величественный холл. Посередине потолка из облупившейся краски грустно выглядывал оголенный провод.

Мне пришлось прикусить язык, чтобы не начать рассказывать со всеми подробностями, в каких комнатах мы находимся, для чего они использовались, когда дом только построили, и какое применение им можно было бы найти сейчас.

Когда Берк мимолетно коснулся резного камина в гостиной, которая изначально служила библиотекой (именно в

ней мистер Кэмпбелл любил встречать гостей), я чуть было не сказала ему, что в доме целых шесть каминов. Изумрудная плитка вокруг очага потрескалась, где-то ее и вовсе не было. И это, разумеется, значило, что ее всю придется пере-
кладывать. Но мне не верилось, что получится найти ту, что будет хоть сколько-нибудь похожа на сохранившуюся.

Берк внимательно осмотрел гостиную, остановив взгляд на внушительных дырах в штукатурке и разрушенном в нескольких местах карнизе.

– Что тут произошло? – спросил он.

– Ошибки строителей, к сожалению... – Мне до сих пор тяжело было на это смотреть. – Последние владельцы этого дома начали реализовывать свои планы, но так ничего и не закончили. Для них это дело было чем-то вроде любимого детища, хобби, так что с процессом они не спешили. Но потом муж ушел из семьи. Развод растянулся на многие годы. Бывшая жена отказывалась делить с ним дом, и работа тут не продолжалась, ведь эти двое были заняты руганью из-за... если честно, всего. Вот почему ты можешь увидеть, что часть стены около буфетной и столовой снесена: начали переделку и так и не закончили.

– Не проще было бы просто всю стену демонтировать? Выглядело бы лучше.

Не надо. Сдержись. Закипая, я надула щеки и тяжело вздохнула. Он с опаской наблюдал за мной.

– Просто скажи, и все.

Слова тут же соскочили с языка.

– Сносить стены – это грубейшее нарушение норм реставрации. В таком случае можно попроситься со свидетельством об историческом наследии. Эти комнаты специально так построили. Легче поддерживать тепло.

Берк лишь хмыкнул в ответ. Затем постучал костяшкой пальца по краю дыры:

– И что, нужен просто новый гипсокартон?

– Новая штукатурка, – поправила я. – К сожалению, она значительно дороже. Но только так можно устранить нанесенный ущерб.

На этот раз я не услышала даже хмыканья. Мы прошли через буфет, маленькую кухню, спрятанную в глубинах дома, и Берк уже с интересом разглядывал небольшую лестницу, что вела в спальни на втором этаже. Господи, да мне за мое молчание полагается премия.

– Там спальни?

– Да, целых шесть. По три на каждую сторону от лестницы, – ответила я. – Еще наверху две ваннные комнаты, а внизу одна уборная.

– Дай-ка угадаю: на втором этаже все еще сильнее разрушено?

Я горько улыбнулась:

– Там все даже хуже, чем ты можешь себе представить.

– Блестяще.

– Так как здесь не включали ни отопление, ни кондицио-

нер, то из-за перепада температур с годами сильно пострадал весь интерьер. Однажды сюда стали пробираться животные. Ну и малолетние хулиганы, которые тоже много чего попортили. – Все это время я зачарованно смотрела на лестничную площадку над собой. – По счастливой случайности они даже ничего не украли.

В голове Берка Барретта крутилось множество мыслей: его выдавало выражение лица. Боже мой, ну как же мне хотелось взять и голыми руками вытащить каждую мысль из его черепушки! Это невыносимо, я просто обязана была знать, о чем он думает и что хочет сделать! Он вновь посмотрел на меня, и, клянусь, тут же возникло такое ощущение, будто меня взглядом прибили к стене и собираются препарировать.

– И чем ты тогда занимаешься? Тут ведь ничего не происходит.

– О, ничего такого. Подстригаю секущиеся кончики да смотрю реалити-шоу.

Мой сарказм ему не понравился, но, будем честны, мне в нем самом тоже много чего не нравилось, так что и ежиться под его суровым взглядом я не стала.

– А если серьезно, то дел у меня достаточно, – добавила я. – Для проекта такого масштаба необходимо кучу вопросов решить, прежде чем хоть что-то менять в доме.

– Я пока еще не принял окончательного решения, – произнес он мягко и вместе с тем грозно.

– Знаю. – Я вскинула бровь. – Но думаю, ты поступишь правильно.

Берк ничего не ответил. Не попытался меня подбодрить. Ничего: ни заботы, ни утешения.

Я бы могла назвать ему миллион причин, по которым этот особняк стоил всех этих препятствий на его пути. И я даже уже было открыла рот, чтобы начать их ему перечислять, как вдруг он опередил меня:

– А что-то осталось от прошлых жильцов?

Я кивнула:

– Куча мебели в спальнях. А в гостевом домике есть даже картина. – Я ненадолго встретилась с ним взглядом, показала на выдвижные ящики в стене и медленно заговорила: – На прошлой неделе я нашла кое-что. И знаешь, поверить не могу, что они от нее не избавились. Думаю, она будет для тебя ценной.

Берк нахмурился, но спорить не стал. Я аккуратно открыла ящик и достала оттуда маленькую медную рамку. Всю заляпанную, умоляющую себя протереть. Внутри нее была школьная фотография. Мальчик широко улыбался, ему не хватало двух передних зубов. Волосы песочного цвета были стрижены под горшок, подчеркивая очаровательные веснушки. В нижнем углу золотыми чернилами было выведено имя: «Крис».

Протянув снимок Берку, я почувствовала, как сильно щиплет глаза. Он на мгновение замер в растерянности. Берк

взглядом сверлил фотографию, прежде чем глубоко вздохнуть, вздымая широкую грудь. Он выхватил рамку из моей руки и не глядя запихнул в задний карман. Сердце защемило. По таким мелочам ты и замечаешь, что боль еще саднит свежей зияющей раной: он ведь даже не мог взглянуть ей в лицо.

– Я сожалею о твоей утрате, – сказала я.

Берк уставился в пол. Лишь спустя время кивнул.

– Он, судя по всему, был милым. – Я убрала прядку за ухо. – И очевидно, это место очень многое для него значило, раз...

– Я не хочу о нем говорить, – отрезал Берк.

Голос его был низким, тихим, звучал так, будто его обладатель на грани. Казалось, комната вмиг стала холоднее. Я через силу кивнула.

– Думаю, я увидел достаточно.

От тревоги засосало под ложечкой. Будто эта мечта о Кэмпбелл-хаусе все еще, черт возьми, была вне моей досягаемости.

– Можешь дать мне свои банковские реквизиты? Я переведу долг.

– Конечно, – кивнула я.

Он подождал меня снаружи. Потом с непроницаемым видом записал в телефон продиктованные мною цифры. Как и ранее, он просто ушел – ничего не пообещав, ничего не решив. И вновь выбил меня из колеи.

Глава пятая

Берк

– А он... большой.

Сестра стукнула меня по груди:

– И это все, что ты скажешь?

– Я серьезно согласился купить тебе что-то настолько огромное?

– Ага.

Я погладил по тому месту, куда пришелся удар, и постарался внимательно осмотреть дом, стоявший очень близко к воде. Даже отсюда я мог слышать шум прибоя. У меня мгновенно понизилось давление, а вместе с ним улетучилось и напряжение в плечах.

Яркий и чистый голубой сайдинг. Дом с белой отделкой и огромными арочными окнами, скрывающимися за цветущими пальмами. Подъездная дорожка была вымощена брусчаткой и, плавно изгибаясь, сворачивала к большому гаражу на две машины. Грузовик с моими вещами прибудет только завтра, так что моя младшая сестра сделала все возможное, чтобы ее гостевая комната была подготовлена к моему приезду.

Как же сильно это место отличалось от Кэмпбелл-хауса! Здесь я не чувствовал ни волнения, ни раздражения. Этот

дом обещал лишь мир, тишину и отдых. Да, даже несмотря на то, что жить придется под одной крышей с сестрой и ее девятилетними двойняшками. Уверен, от них и то проблем и шума будет меньше, чем от той длинноногой рыжей девчонки.

– Когда планируешь начать подыскивать дом и себе? – спросила меня сестрица.

Я задумчиво потер затылок:

– Прежде чем ты меня выгонишь, дашь хотя бы чемодан закинуть в комнату?

Она заливисто рассмеялась:

– Просто подумала, что ты ждешь не дожدهшься, когда сможешь обустроиться в своем собственном уголке.

– Честно говоря, Танс, у меня сейчас и так слишком много дорогих решений на повестке... Еще один дом может и подождать пару недель, если ты, конечно, не против.

Танси понимающе положила руку на мою, и я облегченно вздохнул. Затем она повела меня к арочной входной двери из твердой древесины и схватилась за ее стальную ручку. Вот такой экскурсии по дому я был действительно рад. Моя сестра, сумевшая быстро найти жилье в желанном районе, оказалась отличным гидом. Танси даже не пыталась обращать мое внимание на какие-либо балясины, перила и другие незначительные, крохотные детали, до которых, как ей было известно, мне нет дела.

Комнаты в доме были просторными и светлыми: белые

стены, белая отделка, высокие потолки с лениво работающими вентиляторами. К слову, она все же сочла нужным уточнить, что в доме четыре спальни и пять ванных – места хватит даже большой семье.

– Ты точно не против, что я поживу у тебя, пока не найду новый дом? – уточнил я.

Танси уверенно кивнула:

– Конечно! Но, если что, спальней с видом на океан я делиться не буду. – Она приобняла меня за плечи. – Ну скажи, прекрасное ведь место, чтобы начать все сначала, а?

– Вполне.

– Дети просто в восторге. Успели уже рассказать мне, во сколько раз этот дом лучше предыдущего.

Я надеялся, что так и будет. Прошлый дом у них шел в придачу к недомуженьку, которого моя сестра наконец-то решила оставить. Покупка этого дома стала для меня самым легким финансовым решением в жизни, лишь бы сестра оказалась подальше от этого невыносимого козла. Тем более сейчас у малышей появилась прекрасная возможность передохнуть от того, кого им приходится называть папой. Но с ними, к сожалению, я был не особо близок – спасибо за то их отцу, который меня ненавидел, моей футбольной карьере и дому на другом конце страны, где я проводил межсезонье. Вдобавок Танси и наш отец всегда были как кошка с собакой, так что она редко приезжала на праздники.

Сейчас же все иначе, конечно. Все-таки именно ее быв-

ший муж и наш папа были главными причинами, почему мы почти не виделись последние десять лет. Отец умер восемнадцать месяцев назад, и по этой ледяной глыбе мы сильно не скорбели. А ее бывший муж остался в Юте. Мы наконец-то избавились от влияния этих сомнительных лиц и ни на секунду не пожалели об этом.

Чем радостнее Танси рассказывала, как умиротворяюще жить возле моря, тем сильнее мне хотелось ощутить хотя бы крохотную частичку этого покоя. Хотелось проводить с ней больше времени: мне так редко это удавалось за последние десять лет.

– Тут здорово, Танс. – Я заботливо чмокнул ее в макушку. – И спасибо, что даже поменяла постельное белье в гостевой ради меня.

Она усмехнулась:

– Как же хорошо, что ты приехал. – Затем сестра перекинула сумку через плечо и в ужасе посмотрела на часы. – Черт! Детей нужно забрать из школы. Слушай, сегодня у Форда матч по европейскому футболу, но зато завтра мы будем свободны. Сходим в тот китайский ресторанчик, про который я говорила?

Я кивнул и помахал ей вслед. Когда я остался в доме один, у меня возникло такое чувство, словно меня засосало в самый центр торнадо, а потом небрежно выплюнуло наружу, и теперь я пытался прийти в себя. Эту последнюю пару дней все было как в тумане, и мои плечи изнывали от накопивше-

гося напряжения.

Тревога, что сопровождала меня всю дорогу на север, до конца так и не отступила, хотя я изо всех сил старался не думать о том, что все это на самом деле значит. Телефон молчал весь день, а я распаковал вещи и нашел супермаркет, чтобы помочь Танси заполнить едой холодильник и буфет.

Грузчики появились на следующее утро. С каменными лицами они переносили всю мою жизнь по частям в огромную кладовку. До боли знакомая картина, ведь детство я провел в разъездах. Отец считал, что если снова сменить штат, школу или футбольную программу, то мы обязательно ухватимся за крохотные осколки счастья, которого он лишился после смерти мамы. А я ненавидел переезжать. Ненавидел создавать видимость, что никакой пустоты нет.

Мой дом в Далласе, который я купил после того, как бывшая забрала старый, был настолько унылым, что Танси ходила по нему с выражением ужаса на лице, когда я сказал, что прожил там два года. Ее дом был совсем другим. Он каждым квадратным метром кричал о личности своей хозяйки.

Когда грузчики закончили, я направился к холодильнику, чтобы сделать себе смузи, и вдруг оторопел. Пальцем слегка задел краешек листочка с рисунком Фелиции. На нем крылатая богиня с горящими глазами размахивала мечом и секирой, гордо встав ногой на тело поверженного мужчины. Внешне он сильно напоминал ее отца. Я тут же заулыбался. Ненадолго, правда, потому что рядом с холодильником ле-

жала очень страшная толстая папка с кучей документов от юриста. У которого, как-никак, было имя. Байрон Когсвелл. Звучало нелепо, но стоило мне представить его лицо в очках, как я понимал: ему оно подходило идеально.

Первым делом я должен был позвонить именно Байрону, раз состояние особняка мне теперь уже было известно. И сумма, оставленная в наследство, даже половину ремонта не покрывает. Пока я не знал, как признаться в этом Шарлотте и что вообще в дальнейшем делать со всем этим проектом. Я набрал номер юриста и дождался его ответа.

– Берк, а я как раз думал, позвонишь ли ты на этой неделе.

– После моих новостей ты захочешь, чтобы этого звонка никогда не было.

Он засмеялся. А вот мне было не до смеха. И когда Байрон заметил мое молчание, то осекся и прочистил горло:

– Ну и что такого ты узнал?

– Что мой бывший сосед по комнате либо не имел ни малейшего понятия о том, какой у него бюджет, либо даже не планировал эти деньги тратить на реконструкцию.

Можно было даже не обсуждать, ответ был очевиден. Крис и Эми не планировали умирать. Не в скором времени. Сейчас же нужно было в срочном порядке решать многие вопросы, и работа Байрона как раз заключалась в том, чтобы принятые мною решения имели хоть какой-то смысл.

Он помолчал некоторое время, потом попросил меня все рассказать. Когда я закончил описывать, как там все разру-

шено и заброшено, и разбрасываться эпитетами, основанными на словах Шарлотты, он медленно и глубоко вздохнул.

– Вот так незадача...

– Я знал, что ты так скажешь.

Байрон ненадолго задумался.

– Крис и Эми дали четкие указания касательно распределения бюджета. Я не могу сейчас из воздуха достать деньги сверх имеющейся суммы, если только не забрать что-то из других средств. Скорее всего, из тех, что направлены на попечение об их дочери.

– Нет, – отрезал я не раздумывая. – Они точно были бы против.

Где-то в недрах моего телефона лежала фотография Миры, в последний раз присланная Крисом. Это было селфи. Она, улыбающаяся во все маленькие белоснежные зубки, одетая в крохотную футболку «Даллас Ковбойс», которую я прислал ей на Рождество. И он, держащий одной рукой камеру, другой показывающий палец вверх. Внутри меня все болезненно сжалось. Тосковала ли она по нему? Плакала ли ночами, потому что заботливая Эми больше не укрывала ее одеялом?

– Как Мира себя чувствует? – неуверенно спросил я. – Я еще... еще не связывался с подругой Эми.

– Судя по тому, что я знаю, ей уже лучше, – мягко ответил Байрон. – Она ведь совсем малышка. Вряд ли постоянно держит в голове мысль о том, что ее родителей больше нет.

Тяжесть утраты обрушивалась на меня изо дня в день с разной силой. Вот почему это было так чудовищно. Иногда это было лишь легкое давление на коже, которое нельзя стряхнуть или забыть. Назойливое напоминание: что-то ушло, что-то сломалось, и ты бессилён это починить. В другой же день, вот как сегодня, груз становился таким тяжёлым, что, казалось, мог расколоть грудную клетку.

– Так ты решил, что будешь делать? – вырвал меня из раздумий юрист.

И у меня не было сил ему врать.

– Нет, я не представляю, – медленно выдохнул я. – Это плохо?

– Да нет, тебя можно понять, – отозвался он. – Я был бы только рад помочь тебе с бюджетом, но так уж вышло, что финансовые пожелания Криса и Эми были вполне четкие и однозначные. Я не могу идти с ними вразрез.

Как здорово, что для него их воля была ясна! Вот бы и мне так. Я переключил звонок на громкую связь и открыл переписку с Крисом. Медленно я листал наши сообщения, пока не нашёл ту самую рождественскую фотографию. Там за Крисом и его дочерью стояла прелестная елка. Она сияла белыми огоньками, и на ней висело самодельное украшение в виде красного отпечатка ладони Миры. Какая же крохотная ладошка!

– Алло, ты здесь? – напомнил о себе Байрон.

Миру прижималась щекой к папе – и в этом жесте я ви-

дел столько спокойствия и любви, сколько не мог найти в своем отце. От ее улыбки в животе внезапно появилась острая боль. Она засела так глубоко, что я не мог дышать. Было ощущение, что внутренности разрывают наточенным крюком.

– Оставь деньги. – Слова вылетели сами собой.

– Что?

– Все те деньги, которые они отложили для этого проекта, просто... – И я замолк, всеми силами пытаюсь открыть глаза, лишь бы увидеть лицо друга перед собой. – Направь их на попечение девочки.

Юрист затих.

– Ты уверен? Никто не рассчитывает на такой жест с твоей стороны.

Вдруг показалось, что на снимке Крис хмурится. Мои глаза горели, легкие сдавливало до невозможности.

– Уверен. – Но прозвучало так, словно кто-то душит меня.

– Хорошо. Я переведу средства в часть трастового фонда, оставленного для Миры.

Я устало потер лоб:

– Спасибо.

Я пообещал Байрону, что еще перезвоню, и положил трубку. Отложив папку в сторону, я пару секунд смотрел на нее, а затем открыл холодильник. Приготовив протеиновый смузи и убедившись, что папка лежит на прежнем месте, я измученно провел рукой по лицу и вышел из кухни через боль-

шие стеклянные раздвижные двери. Очутившись на террасе позади дома, я сел в белое деревянное кресло «Адирондак». Здесь было шумно: прибой сливался с теплым ветром. Но этот шум, хаотичный и ненавязчивый, казался приятным. Успокаивающим. Я закрыл глаза, пытаюсь напомнить себе, вот ради чего я усердно работал многие годы. Ради таких моментов, когда можно просто дышать полной грудью и не думать о том, что ждет впереди.

И вдруг телефон звонко завибрировал. На улице еще было довольно светло, так что ради дурацкой надписи на экране мне пришлось сощуриться. Шарлотта. И сразу после разговора с юристом. То, как это имя отозвалось в груди, не сильно отличалось от удара под дых.

Шарлотта: Привет, это Шарлотта.

Я: Смотрю, телефон ты все же нашла.

Шарлотта: Он подпирал бра на втором этаже. Видимо, я оставила его там, когда смотрела проводку.

Я: Звучит как что-то абсолютно безопасное. А можно, пожалуйста, без пожаров, пока я не проверю, что страховка у дома не просрочена?

Шарлотта: Если бы ты видел, как я сейчас закатила глаза. Уж поверь, я прекрасно знаю, как снимать светильники.

Я: Тебе что-то нужно?

Шарлотта: В конце недели у меня собеседования с двумя подрядчиками. Говорю на тот случай, если ты захочешь приехать. Если, конечно, мы все еще ищем подрядчика.

Откинув голову назад, я на минуту уставился на бушующий океан. Мои интуиция, голова, сердце со страшной силой боролись друг с другом. В голове кричали числа, бюджеты и остальные занудные вещи, с которыми рано или поздно придется разобраться. Интуиция же шептала, что встреча с подрядчиками никому не навредит. Дескать, я должен идти по этому пути, длинному, трудному, после которого я еще не раз пожалею, что ввязался. Хочу того или нет. А что насчет сердца... Так оно просто устало. И было глубоко опечалено. Ему попросту не место за рулем.

Я: Хорошо, проводи собеседования.

Я: А раньше эти люди прийти не смогут?

Шарлотта: К сожалению, нет. Мне даже пришлось связаться с контрагентами из Гранд-Рапидса и Детройта, чтобы найти хоть кого-нибудь, кто потянет наш масштаб. Все-таки у нас не самая простая реставрация.

Я вновь закрыл глаза, безуспешно пытаюсь уловить то теплое и безмятежное чувство, которое я ощущал до первого сообщения Шарлотты. Из-за одного ее имени у меня внутри все полыхало от раздражения.

Шарлотта: Ты все еще здесь?

Я: Нет.

Шарлотта: Что ж, ценю твою помощь и отзывчивость, дело сразу пошло в гору! Слушай, я даю тебе шанс участвовать в выборе человека, который возглавит сложный и важный проект – тот, что в конечном счете сделает это место

прибыльным. Мне показалось, что хотя бы это тебя заинтересует, но, видно, я ошиблась.

Я: Ошиблась. Сейчас я заинтересован только в том, чтобы узнать, сколько все это будет стоить, как много времени займет и как скоро работы начнутся, чтобы этот ад поскорее закончился.

Шарлотта: Ок.

Я стиснул зубы. За всю историю цифрового общения не существовало букв громче этих двух. Я аж отсюда ощутил, каким возмущением горели ее глаза. Зеленовато-карие...

– Да твою мать! – выругался я.

Наплевать мне, какого цвета ее глаза!

– О-о-о, дядя Берк сказал плохие слова.

– Да, сказал. Добавлю в список причин, по которым ему нельзя присматривать за детьми, – отшутилась сестра.

Стоя позади детей, Танси испепеляла меня неодобрительным взглядом. Я весь покраснел.

– Да что?! Я же не знал, что не один.

Мой племянник Форд и его сестричка Фелиция с огромным любопытством изучали меня.

– Простите, ребята, – обратился я к ним. – Не знал, что вы вернулись.

Девчонка подскочила к моему креслу и залезла на подставку для ног. Глаза у нее были такие же, как и у матери. Большие и голубые.

– А когда ты съедешь от нас, мы сможем приходить к тебе

на ночевки?

– Не уверен, что теперь ваша мама разрешит.

– Если не будешь следить за языком, то не разрешу, – подтвердила Танси. Она села на соседнее кресло и вытянула ноги. – Как хорошо... Так, ребята, если сейчас пойдете к берегу, то успеете поплавать до ужина.

Дети мигом убежали, радостно крича, и вскоре затерялись в глубинах дома.

– Они каждый день плавают?

– Ага. – Сестра показала на мой телефон. – Что тебя так разозлило?

Я тяжело вздохнул:

– Ничего.

– Дом в Мичигане?

– Не хочу об этом говорить, Танс.

– Бедняжка Берк, – покачала она головой. – Кто-то передал тебе роскошный старый особняк и специалиста, который вместо тебя отвечает за весь проект. Дай-ка я хорошенько поищу, может, найду немножечко сочувствия. – Она похлопала по передним карманам шорт, потом открыла свою сумочку. – Ой-ой, нет. Все истратила. Прости.

– Ты этот особняк не видела. Поверь, никому и в голову не пришло бы назвать его роскошным.

Она выхватила мой телефон и ловко ввела пароль.

– Ты откуда его знаешь? – удивленно спросил я.

Танси ничего не ответила. Она просто внимательно изу-

чала мою переписку с Шарлоттой.

– Ты что, реально не приедешь на собеседования? – В следующий миг у нее отвалилась челюсть. – Боже, ты ведешь себя с ней как полный придурок!

Мое лицо вспыхнуло, но я обвинил в этом солнце.

– Слушай, она не маленькая, сама со всем разберется. Да и она вряд ли захочет, чтобы я вмешивался.

– Она буквально просит тебя участвовать в работе. – Танси проделывала во мне дыру ужасающим, давящим сестринским взглядом, который отточила до совершенства еще в средней школе. – Ты же вроде как инвестор, нет? Ты капитан. Тот, кто всей ситуацией и управляет. И ты просто сливаешься!

– Она очень даже способна справиться сама.

– А Крис и Эми? Они в реставрации тоже участия не принимали?

Я не ответил. Не хотел обсуждать, принимали они участие или нет.

– Я вот помню, что Крис был занят карьерой, но ни за что не поверю, что и его жена не была по уши в этом проекте, ведь она прекрасно знала, как особняк для него важен.

Стоило закрыть глаза, передо мной всплыли воспоминания о том, как Эми разыгрывала Крису, еще когда я жил с ним в одной комнате. Она выпрыгивала из ниоткуда и пугала его до чертиков. Меня, кстати, тоже пугала, из-за чего мне становилось уже не так смешно. Воспоминания о том, как

она разминала ему плечи после тяжелых тренировок. Перед глазами промелькнуло печенье, которое она нам готовила на выходных. Я стиснул зубы. Да, уже тогда они были прекрасной парой. Что было важно для одного, становилось важным для другого. Вот так просто. Мне не хватало этого единства в браке. Поддержка же Криса и Эми никогда не слабела, их отношения не охладевали.

– Танс, я пытаюсь расслабиться. Я наконец-то сюда приехал, чтобы провести свое драгоценное время с младшей сестричкой и ее детишками. Таким уход из спорта я себе и представлял. И в эту картину явно не вписывается реставрация старого дома в попытке снова сделать его красивым. Я ищу покоя. Скажи, я что, не заслужил его?

Моя сестра, которая обычно не упускала возможности меня подколоть, стихла. Я рискнул взглянуть на нее, но Танси просто смотрела на воду. Затем наконец сказала:

– Заслужил.

– Спасибо.

– Но не такой покой ведь! – добавила она тут же. – У той девушки выбора тоже не было. И поверь, мне нелегко об этом говорить, ведь я очень рада, что ты приехал. Я рада проводить с тобой время после всего того ужаса, через который нам пришлось пройти. – Голос Танси дрогнул, и она ненадолго замолчала, прежде чем собраться с силами и заговорить вновь. – Последние пятнадцать лет я только и делала, что смотрела, как ты гоняешься за чужой мечтой и получа-

ешь сотрясения, разорванные связки, вывихи ребер и... бог знает что еще.

Я не стал ничего говорить: мы столько раз уже препирались на эту тему, и все сводилось к ее обиде на отца.

– Я не прошу тебя отказываться от мечты о спокойном отдыхе, если ты действительно этого хочешь, – продолжала она, все еще уставившись на воду. – Но не надо себя вести как он. Будто тебя может волновать только одна вещь за раз. Будто это максимум, на что ты способен.

Ее слова задели за живое. Стрелой пронзили мое сердце, пройдя меж ребер.

– Не молчи, – попросила она.

Я взглянул на нее, пытаясь отыскать аргументы в свою защиту. Анджела ведь то же самое мне говорила во время наших ссор. Что я был сосредоточен только на упражнениях. Тренировках. А на досуге лишь смотрел фильмы. И бежал, бежал, бежал... Но разве это правда? Мне никогда не было все равно. Я переживал и о других вещах. Просто сложно расставлять приоритеты, когда у тебя есть только один-единственный способ заботиться о семье. Она же просто не понимала этого. Видела все иначе.

Когда сестра поделилась своими мыслями, я первым делом ощутил стыд; мне хотелось провалиться сквозь землю. С Танси мы редко говорили об отце. Тот все ресурсы вкладывал в меня, сына-спортсмена с талантом, которого был лишен сам. Ему казалось, что только это он и мог мне дать

как отец-одиночка. На сестренку он не обращал внимания. И этот невидимый шрам она носит до сих пор.

– Я не веду себя как он, – вот все, что мне удалось из себя выдать.

Танси пронзила меня взглядом.

– Чтоб ты знал, ты еще и с женщинами общаться не умеешь.

Вот с этим я категорически не собирался соглашаться!

– Это неправда.

– Ты всегда будешь одинок, и причина очевидна. – Сестра не собиралась останавливаться. – Анджела тебя просто сломала. Одного милого личика достаточно, чтобы ты потерял дар речи и стал разговаривать как обалдуй.

– Я не говорил тебе, что она милая.

– А тебе и говорить не надо, – нахально ухмыльнулась

Танси. – У тебя всегда крышу сносит от рыженьких.

– Если бы я знал, что мои же слова ты используешь против меня, то никогда бы тебе ничего не рассказал.

Она дразняще приложила палец к подбородку:

– А помнишь, как, когда ты учился в колледже, к тебе в баре подошла одна девушка и ты на ровном месте споткнулся?

– Просто Крис подножку подставил, – резко парировал я. – Может, мы вернемся к Шарлотте? Я был с ней груб не из-за того, что у нее рыжие волосы.

– Так ты все-таки признаешь, что вел себя как хам?

– Слушай, она была прикована к дому. Наручниками! – воскликнул я и раскинул руки в стороны так, будто все всем сразу стало понятно. – Я и так не хотел этот особняк, а тут еще она в придачу. Мне эти двое в жизни не нужны. Это не значит, что я не способен позаботиться больше чем об одной вещи за раз.

– Именно это ты и делаешь. Было у кого поучиться. Слушай, тебя никто не просит становиться этой девушке лучшим другом. Просто прекращай поступать как козел, который пренебрегает своими обязанностями просто потому, что ему, видите ли, неудобно. – Танси встала и легонько чмокнула меня в висок. – Я пойду проведу детей.

Это было неприятно услышать – особенно от человека, который знал меня лучше других. И снова я оказался один на террасе. Я поднял голову и уставился на пальмовые ветви, колышавшиеся надо мной. Мне все еще не хотелось обладать этим домом, что бы я при этом юристу ни говорил. Но и духу у меня не хватало тут же взять и продать особняк. Мне казалось, что если я все-таки рискну и продам его, то Крис восстанет из мертвых самым назойливым в мире привидением и будет преследовать, пока не доведет до белого каления. От одной этой мысли я почувствовал, как внутри меня поселилась глубокая леденящая усталость, которая явно не сочеталась с умиротворяющим теплом того места, где я находился.

Как сам дом, как весь груз этой непрошеной ответственности, Шарлотта мне тоже была не нужна. По крайней мере

ре, не в том смысле, в каком напридумывала себе Танси. Хотя доля истины в ее словах была. Я действительно не мог взять себя в руки, как только во мне вспыхивало незванное влечение. Моя проблема заключалась в попытке разделить эти чувства. Загнать их в дальние уголки сознания, чтобы они не смешались с тем важным, что по-прежнему занимало все мысли.

Я достал телефон и открыл сайт с авиабилетами. Изучая рейсы, бормотал себе под нос такие страшные слова, которые обязательно травмировали бы моих племянников. Закончив, я вернулся к переписке с Шарлоттой.

Я: Я прилечу в среду. Будь добра, обойдись в этот раз без наручников.

Глава шестая

Шарлотта

В этот раз приезд Берка был менее драматичным, чем в первый. Он даже не начал хмуриться напрямиком с порога! И когда увидел, что я выдергиваю перед крыльцом сорняки, в ответ на мое приветствие лишь пробурчал что-то еле слышно. В этот раз не было ни наручников, ни сломанных балясин. Но стоит признать: каждый раз, проходя мимо дыры в перилах, я бросала осуждающий взгляд куда-то в сторону Флориды.

– Как долетел? – вежливо поинтересовалась я.

Опять бурчание.

– Ага, рада слышать...

Я наклонилась вперед, выдернув стебелек с листьями, которого здесь быть не должно. От тяжести взгляда Берка становилось не по себе.

– У меня тоже неделька выдалась хорошая, – продолжила я как ни в чем не бывало. – Велика вероятность, что нам всю крышу придется менять, а это, конечно, в бюджет не заложено. Зато за ночь насобирала целую кучу ведер дождевой воды, которую преспокойно можно будет использовать в этом чудесном саду. Ну и в качестве бонуса: теперь нам придется еще и поменять пол на новый в тех местах, где вода повре-

дила старое покрытие.

Берк обреченно вздохнул.

– В свете этих событий я очень рада, что собственник таки решил вернуться и мне помочь.

Я лучезарно ему улыбнулась, а он недоверчиво прищурился. Сразу расхотелось рассказывать о своих подозрениях, что отремонтировать придется и фундамент дома.

– Во сколько завтра собеседования?

Я провела тыльной стороной ладони по щеке, пытаюсь убрать с лица волосы.

– Роб из Гранд-Рапидса придет в десять. Детройтский подрядчик Джордан будет в час, если не застрянет в пробке.

Мой немногословный собеседник кивнул, уставившись на кучку сухой травы у моих ног. На руках у меня были дешевые перчатки, которые я нашла в гостевом домике, а на голове – мамина бейсболка «Детройт Тайгерс».

– Хорошо. Мне сегодня еще нужно съездить по делам, но я вернусь утром, – заявил Берк. – Подыщу себе отель.

Мои брови взлетели вверх от удивления:

– Ты что, еще ничего не забронировал?

– Ну да, как и в прошлый раз.

Я рассмеялась про себя.

– Что ж, удачи.

Он, уперев руки в бока, стал пристально в меня всматриваться. Его большие руки... Боже, как же я ненавижу Дафну за то, что из-за нее я в принципе обращала внимание на

размер его ладоней! Они были вполне нормальными, просто чуть крупнее среднего.

– И что это значит? – озадаченно спросил он.

– Сейчас в Гранд-Траверсе проходят два турнира по европейскому футболу и одна национальная конференция. Добро пожаловать в Северный Мичиган, дружок: ты попал в самый разгар туристического сезона. Если тебе и удастся найти номер в гостинице, то только по соседству с каким-нибудь добряком, который питает слабость к бывшим футболистам со скверным характером.

Поразительно, как в одночасье чье-то лицо может измениться. Я как будто только что стала свидетелем, как из-за озера Мичиган накатывает грозовой фронт.

– Что, прости?

– Я так понимаю, вопрос риторический? – склонила я голову.

Берк раздраженно провел языком по зубам.

– Я лишь констатирую факты, – сказала я. – Ты и правда явился сюда с дурным настроением. Буквально оторвал мою балясину ручной работы. Хотя мы, наоборот, дом ремонтировать пытаемся. Ну, я, по крайней мере. В твоих намерениях я до сих пор не уверена.

Он глубоко вздохнул:

– Я что, так и не извинился перед тобой за то, что доломал и без того сломанный кусок дерева, который вряд ли удалось бы починить, учитывая, как сильно он прогнил?

– Нет.

– Ой, наверное, вылетело из головы. – Берк быстрым взглядом прошелся по мне с ног до головы. – В прошлый раз ты вела себя повежливей.

Я присела на корточки в заросшую грядку и выдернула очередной сорняк.

– Просто приняла кое-какое решение после твоего ухода.

– Жду не дождусь его услышать.

– Я вежлива с каждым, кого встречаю, – начала объяснять я. И вновь горстка сорняков полетела в и без того большую кучу. Я, честно говоря, не особо понимала, зачем вообще занималась этим. Должно быть, пыталась хоть чем-нибудь себя занять, раз подрядчика у нас все еще не было. – И когда ты приехал, я находилась в невыгодном положении. Спешу напомнить, что случилось это не по моей вине. Тете я уже все высказала.

– Правильно... Наверное, – произнес он ровным голосом.

Я скрыла ухмылку. Как же он меня бесит!

– И несмотря на мое невыгодное положение, несмотря на то что было видно, что я волнуюсь о судьбе особняка и очень его люблю, ты все же решил начать наши деловые отношения с отвратительного поведения, запугиваний и порчи имущества.

Берк издал звук – нечто среднее между ворчанием и стоном, но мне было все равно. Следующее растение я вытягивала уже трясущимися руками. Вообще, наверное, это был

даже и не сорняк... В любом случае отступить было поздно: из земли показались корни. Я никогда ни с кем так не разговаривала. Трудно было определить, чувствовала я от этого радостную взволнованность или ужас.

– И уволить ты меня не можешь: у тебя по закону нет таких прав. Ну, я так думаю, по крайней мере. Все равно не узнаю всей правды, ведь ты мне ничего про траст не рассказываешь! К тому же моя тетя сказала, что я слишком вежлива и мила, особенно по отношению к типам, которые позволяют себе свинское поведение просто потому, что не умеют говорить о чувствах. Ты потерял своего друга, это тяжело, это ужасно, но тут вообще-то никто такую судьбу не просил.

Мой собеседник выглядел так, будто вот-вот взорвется. Его щеки побагровели – то ли от стыда, то ли от еле сдерживаемой ярости, и мне не хотелось гадать, какой ответ правильный. Если ему стыдно, мне придется отказаться от новообретенной дерзости, а к этому я еще не была готова.

За всю свою жизнь я повстречала достаточно людей, чтобы теперь интуитивно знать, к кому надо по-доброму, а с кем пора пообщаться и с позиции силы. Многие, конечно, не согласились бы с моим «гениальным» решением встретить Берка Барретта так же нахально, как он обращался со мной. Только вот эти многие даже не знают, что значит отстаивать годичный проект перед этим парнем с его большущими руками и не менее большущим эго.

Ему не нужен был дом? Какая жалость, блин! Так уж вы-

шло, теперь этот дом его. Ему не хотелось разбираться с реставрацией? Ну извините, а я вот не записывалась в груши для битья. Это он отвечает за успех проекта, и моя экспертность тут ни при чем. После того как он взял и попросту удрал, не дав никаких указаний, не попытавшись даже повести себя как нормальный человек, я тоже не собиралась приветствовать его с распростертыми объятиями, как Шарлотта Каннингем, которую все знают. Я была милой и вежливой. Я нравилась людям. И я чертовски хорошо справлялась со своей работой. О-о-ой, он что, ожидал, что я еще и заискивать перед ним стану, после его-то поведения? Нет уж, заслужи теперь мое расположение! Сейчас эта начальствующая брюзга и на дюйм к нему ближе не стала.

Я вновь выдернула сорняк, но тут же выругалась про себя, когда поняла, что в руке держу луковицу тюльпана.

Берк тяжело вздохнул.

– Я... – Он сделал небольшую паузу. – Я не специально веду себя как придурок.

Я бросила в его сторону недоверчивый взгляд.

– Не каждому дано легко проявлять дружелюбие к незнакомцам, – выдавил он.

– Ага... – медленно и со скепсисом проговорила я. – Ты с новыми игроками по команде и тренерами так же разговаривал?

– Даже хуже.

От удивления мои брови изогнулись, скрывшись под бейс-

болкой. Бывший спортсмен отвел взгляд. На его скулах заходили желваки.

– От меня никто и не ждал никогда вежливости. У меня были две задачи: сбить с ног парня, бросающего мяч, и остановить того, кто с ним бежит.

– Ну, как я и говорила ранее, если тебе все-таки кто-то даст подселиться к себе в гостиничный номер, то только потому, что этот кто-то прекрасно знает, как хорошо ты справлялся со своими задачами.

Берк стиснул зубы и резко перевел взгляд на гостевой домик. *Мой* гостевой домик.

– Сколько в нем спален? – спросил он.

У меня отвисла челюсть, но я очень быстро взяла себя в руки.

– Две, – с опаской ответила я.

Его глаза вспыхнули, и затем он каким-то чудом разжал челюсти, зловеще улыбнувшись:

– Вот и отлично.

– Ты же шутишь?

– Ну ты ведь хотела, чтобы я здесь был? – Берк развел руками. – Раз я теперь собственник этой хорошенькой, красивой недвижимости со всеми ее... особенностями и шармом.

Я недовольно уперла руки в бока. Мысли хаотично кружились в голове. Столько аргументов уже были готовы сорваться с языка, но в последний момент они все рассыпались в прах: он ведь действительно владел этим местом. К тому

же номер в отеле ему не светит в ближайшую неделю, и... я и вправду хотела, чтобы он участвовал в проекте. Дохотелась!

– Потеряла дар речи... – задумчиво произнес Берк. – Восхищен тем, как быстро и спокойно мы договорились.

Фыркнув, я вернулась к грядке. Передо мной лежала вырытая луковица, прямо на самой верхушке кучи сорняков, и я вдруг решила, что пора мне завязывать, а не то... сойду с ума от возмущения. Я сорвала с рук перчатки и кинула их в сторону крыльца.

– В доме только одна ванная, – буркнула я.

– Думаю, что переживу, если ты сама не против.

– И водонагреватель надо заменить, – продолжала я. – В прошлый раз мне пришлось мыться ледяной водой, но я утешала себя тем, что мой нетерпеливый и отважный начальник с радостью решит этот вопрос, как только покажется на неделе.

Берк нетерпеливо лизнул свою губу, и у меня все внутри перевернулось. Я отвела взгляд.

– Новая крыша. Новый водонагреватель. И никаких подрядчиков. Что-то еще? – цедил он сквозь зубы. Его глаза горели злобой.

Мне хотелось закричать. Огромных усилий стоило не сбросить эту остроумную, саркастичную маску... Я поняла, что ужасно скучала по простому обмену любезностями. И все равно собралась, выпрямилась, скрестив руки на груди:

– Еще цена на пиломатериалы выросла на двадцать пять

процентов с тех пор, как мы с Эми заложили бюджет на реставрацию, так что тебе нужно будет поговорить с юристом и узнать, как нам лучше всего покрыть эти расходы.

Взгляд Берка был непроницаемым и непоколебимым.

– И все?

– Все, что смогла с ходу вспомнить, – ответила я ему со всей серьезностью.

– Отлично. – Одним движением он достал большую спортивную сумку с заднего сиденья арендованного автомобиля. – Я так понимаю, я сам догадаюсь, какая спальня занята?

– Моя голубая, – кивнула я. – Можешь занять желтенькую в конце коридора.

Берк смотрел на дом так, словно тот собрался его укусить.

– Кровать-то там есть?

Я улыбнулась. Может, моя улыбка даже показалась бы милой, если бы я с ликованием не представляла в этот момент, с каким трудом гигант вроде него попытается разместиться на местной мебели.

– Типа того.

Его лицо снова стало мрачнее тучи. Ту кровать с трудом можно было назвать односпальной, и его длинные ноги точно на ней не поместятся. Но что поделать, это не моя проблема.

Прежде чем Берк пошел к домику, он ткнул пальцем в кучку растений у меня под ногами:

– Я не собираюсь раскошелиться на новые тюльпаны,

так что будь внимательнее.

Я прищурилась и представила, что бы он сделал, если я бы кинула эту луковицу ему в голову, пока он будет спать. Берк улыбнулся, увидев мое выражение лица. Искренне. У него были белоснежные ровные зубы. Сквозь щетину проступала ямочка на коже. И у меня снова все внутри перевернулось. Какое же облегчение я вмиг испытала, когда Берк все же отвернулся и пошел к домику, насвистывая какую-то веселую мелодию.

Как только он исчез в дверях, я подобрала луковицу и швырнула в его сторону. Она с глухим звуком упала в четырех футах от входа. Вдруг дверь отворилась, и высунулась его голова.

– Я все видел, Каннингем.

Мои щеки вспыхнули.

– Я на то и надеялась, Барретт.

Берк хлопнул дверью. Я еле сдержала сильное желание закричать от досады. Интересно, как долго мы продержимся под одной крышей, не поубивав друг друга.

Глава седьмая

Берк

Раз уж я не мог сейчас сидеть на веранде во Флориде и позволять океану понижать мое давление, я довольствовался хотя бы тем, что Траверс-Сити тоже соседствовал с прекрасным, пусть и прохладным, водоемом. В задней части участка Кэмпбелл-хауса находилось то, что в будущем сделает собственность популярной: восемьдесят футов прибрежной полосы вдоль западного рукава залива Гранд-Траверс.

Я не мог поверить, что люди, купившие особняк у бабушки с бабушкой Криса, все это время пренебрегали побережьем. Это же безумие! Они могли продать это пространство и получить за него целое состояние.

На пожухлой траве, на пригорке над каменистым берегом, стояло одинокое деревянное кресло «Адирондак». Тут явно не хватало пристани. Места, где можно тихонько сидеть, наблюдая за медленно уходящим за горизонт солнцем, и держать в руке бокал вина или кружку пива. Ради этого стоило пройтись от дома. Отдыхая здесь после двух бесполезных собеседований и невыносимо долгой бессонной ночи, я чувствовал себя так, словно это кресло перенесло меня в другую реальность. Пусть тут и было гораздо холоднее, чем в южном штате, меня охватило нечто такое, что я не ощущал на зад-

нем дворе дома Танси. Напряжение медленно таяло, уступая место тихому, настоящему умиротворению. Пока что это было единственное место на всем участке, где я мог это почувствовать.

Из-за того, как переменялась Шарлотта за время моего отсутствия, все мои благие намерения улетучились к чертям собачьим. Эта женщина любой ценой пыталась вывести меня из себя. Может, сестра была права? И я действительно теряю все свои социальные навыки, как только встречаю красотку, лишаящую меня дара речи... Или, может, осмелев, Шарлотта просто научилась пробуждать во мне все наихудшее?

Мы не виделись прошлым вечером. Внутри дома она проскользнула, пока я принимал ледяной душ (благо слесарь-сантехник должен прибыть с минуты на минуту). А когда я вернулся после перекуса в городе, дверь в ее спальню была уже закрыта. В течение ночи я периодически слышал приглушенный голос Шарлотты, как если бы она созванивалась с кучей разных людей, но в остальном ей удавалось не попадаться мне на глаза. «Оно и к лучшему», – убеждал я себя.

За колкостями, которыми мы обменялись перед домом, скрывался странный подтекст, который я никак не мог истолковать. И хотя я действительно был готов прийти и извиниться за свое поведение на прошлой неделе, все мои намерения улетучились, как только я увидел этот огонек в ее глазах. И чтобы не думать об огоньках или о бейсболке, на-

тянутой на взъерошенный рыжий хвост, я глядел на водную гладь и пытался проанализировать недавние горе-собеседования с подрядчиками.

Я позволил Шарлотте захватить инициативу, все-таки именно она пригласила их на встречу. Так вот, первому парню вообще не стоило приезжать. Когда я показал Робу собственность и выслушал его ахи и охи из-за деревянных панелей, потолков с лепниной и половицами шириной восемнадцать дюймов¹⁹ он заявил, что с радостью возьмется за проект. Через год. Такое вот у него ближайшее окошко в расписании. Глаза моего координатора проекта потухли сразу же после этой информации.

Второй парень разочаровал не меньше. За последнюю пару месяцев он растерял половину своей бригады, о чем почему-то Шарлотте сообщить забыл, а сроки выполнения работ – после той же экскурсии, после тех же ахов и охов – были озвучены слишком долгие, и соглашаться на них мы были не намерены. Сделает скорее за восемнадцать месяцев, чем за десять...

Вот почему я оказался на тихом берегу с охапкой документов от юриста и еще кучей бумаг от Шарлотты, накопившихся в мое отсутствие. Легко явно не будет. И дешево тоже. Мало того, если я действительно рискну со всем этим разобраться, то и долго отсутствовать больше не смогу. Не оста-

---

¹⁹ Дюйм – неметрическая единица измерения длины. Равняется 2,54 сантиметра.

нется оправданий. Не смогу я скинуть на координатора абсолютно все свои обязанности. Мне предстояло принять так много решений, а я даже не знал, с чего начать. Мои мечты о мире и спокойствии рушились на глазах. И я не мог отделаться от мысли, что именно Шарлотта виновата в этом.

Я встал с кресла, сунул папку себе под мышку и направился к дому. После двух экскурсий, во время которых приходилось терпеливо слушать, как Шарлотта бахвалится всяким хламом перед подрядчиками, а они восторженно трещат в ответ, я вынужден был признать: когда реставрация завершится, это место будет выглядеть невероятно.

Проблема была в самом процессе достижения такого результата. Пусть я и привык нести ответственность за чужие мечты, именно эта ноша все же была как будто тяжелее прочих. Ведь когда я исполнял мечту отца, то хотя бы обладал неоспоримым футбольным талантом, потому и весь путь ощущался чуть полегче. К тому же талант еще и кормил мою семью. Тут-то все было по-другому. Я был лишним. Дураком, которому каждую деталь нужно разжевывать, а очевидные препятствия разьяснять простым языком. И быть в такой позиции мне не нравилось. Даже больше: черт возьми, я все это ненавидел. И из-за своего шаткого положения, стоило мне мельком заметить Шарлотту в окне на втором этаже особняка, я тут же почувствовал себя жалким. Обеспокоенный, я зашел через черный ход и позвал ее.

– Я тут, – крикнула она. – В хозяйской спальне.

Я поднялся наверх, стараясь ступать по левой стороне ступеней. Шагая по лестничной площадке, я изучал отслаивающиеся, выцветшие обои. Теперь в дырах на месте штукатурки мне виделись только долларовые купюры. Очень много купюр.

Оставшаяся мебель была собрана в спальнях в западном крыле дома. Накрытые простынями призрачные силуэты будут стоять до тех пор, пока Шарлотта не придумает, что с ними сделать. И, проходя мимо каждой открытой двери, я мысленно подсчитывал, как много мебели было внутри.

В центре каждой из этих спален стояло по кровати, высокой и тяжелой. И у каждого балдахина было по четыре стойки-колонны, чудом уцелевшие после многолетнего надругательства над домом. Чудом было и то, что никто так ни разу и не ворвался внутрь, выбив окна, и не вынес весь особняк. Когда я оказался у порога хозяйской спальни, то уже сбился со счета.

– Почему ты просто не продашь всю эту рухлядь? – спросил я, заходя.

Шарлотта резко повернулась в мою сторону. Ее ручка застыла в воздухе над блокнотом.

– Какую рухлядь? – На последнем слове она сморщила нос так, будто сказать его было ниже ее достоинства.

Я махнул рукой, намекая на всю комнату. Она была большой, с двумя гигантскими окнами и видом на задний двор. За несколькими рядами деревьев виднелась озерная гладь. В

этой спальне тоже высилась кровать с балдахинном, без матраса. Стоял невероятно уродливого зеленого цвета диван с подлокотниками с закругленными углами. У изножья кровати располагалась банкетка с цветочным узором, при виде которого хотелось лишь плакать. И была еще куча приставных столиков, резных золоченых зеркал вместе с какой-то штукой, которая была не то креслом, не то диваном, не то кушеткой и которая пробуждала во мне такое чувство отвращения, что я едва мог на нее смотреть.

– Например, вот, – показал я на непонятное барахло. – Это же убого. Можно же просто устроить дворовую распродажу²⁰ а на вырученные деньги починить крышу.

У Шарлотты отвисла челюсть.

– Ты с ума сошел? Это же банкетка «Лебедь» из красного дерева, тысяча восемьсот семидесятых годов. Даже в убогом состоянии она стоит свыше тысячи долларов, а наша далеко не убогая.

– Она розовая.

– Боже, избавь меня от мужчин, которые боятся пастельных цветов, – закатила она глаза.

Я покраснел:

– Да не боюсь я этого цвета. Всего лишь предлагаю креа-

---

²⁰ Дворовая, также известная как гаражная, распродажа – это вид барахолки, в рамках которой продавцам не нужно приобретать лицензию на ведение бизнеса или платить налог с продаж. Обычно такую распродажу устраивают жители одного дома для своих соседей, чтобы избавиться от ненужных вещей по низкой цене.

тивный выход из ситуации, когда от нашего бюджета, по твоим же словам, сейчас никакого толку. Лишние деньги с неба не упадут.

– И ты думаешь, что распродажа все исправит?

– Вряд ли. Если кто-то реально купит этот хлам, то я съем свою кепку.

Она мигом сняла свою потасканную бейсболку:

– О, прошу, смело давись моей.

Первую половину дня между нами было шаткое перемирие на время собеседований, но сейчас оно официально подошло к концу. Я проигнорировал то, как изящно рыжие волосы упали на ее лицо, освободившись от головного убора. И то, как румянец резко подчеркивал ее скулы, стоило Шарлотте разозлиться. Я упер руки в бока и смело взглянул ей в глаза.

– Ну так сделай мне одолжение. У нас нет подрядчика. Нам нужна новая крыша и бог знает что еще, – склонил я голову. – Что ты предложишь для решения проблемы, а, координатор проекта?

– Не знаю. – Она вмиг посерьезнела.

Растерявшись от такого ответа, я почесал щеку и вздохнул:

– В первую очередь нужно все-таки найти подрядчика.

Она кивнула. Внимательно изучила мое лицо, прежде чем ответить:

– Я... Ты можешь на время перестать выплачивать мне

зарплату.

– Чего? – рявкнул я. – С чего мне так поступать?

– В гостевом домике я живу бесплатно, а есть могу у тети. Она живет недалеко на этой же улице. В принципе, я так и делала, когда осталась без выплат после смерти Криса и Эми. – Она чуть приподняла подбородок. – Если таким образом трастовый юрист поймет, насколько я заинтересована в качественном результате, то я готова позволить удерживать свою заработную плату, чтобы растянуть бюджет.

Я недоверчиво прищурился.

– Но с одним условием: ты оставишь в покое мебель, – добавила она. – Ничего не станешь продавать без моего согласия, потому что иначе, когда мы закончим с реставрацией, мне придется решать проблему с покупкой новой мебели. И не думаю, что ты захочешь тратиться и на нее.

– Если мне в принципе потребуется мебель, когда мы закончим, – тихо поправил ее я.

Шарлотта встrepенулась, тяжело дыша. Она не сразу ответила, но раздосадованное выражение лица говорило за нее.

– Поверь, даже если ты и продашь ее, все равно захочешь, чтобы что-то было на ее месте, в надежде получить максимальный доход. Тебе понадобится каждая деталь.

Я пробубнил себе под нос пару ласковых об упрямых женщинах и уродливых диванах. Она скрестила руки на груди:

– Клянусь, если ты не прислушаешься ко мне, я назло тебе найду самую дорогую мебель взамен.

Я чуть не рассмеялся. Но Шарлотта так свирепо выглядела, что я все же не сдержался и грозно ухмыльнулся. Мне оставалось неохотно признать, как очарован я был тем, что она практически меня не боялась. Тем, как далеко она была готова зайти ради этого несуразного особняка, а я ведь даже не хотел им обладать. Я, будучи намного выше ростом, нависал над ней, а она даже не отступила, напротив, лишь чуть сильнее задрала подбородок. Шарлотта уверенно смотрела в мои глаза, не отводя взгляд, и на одно слишком затянувшееся мгновение я ощутил, как под ребрами у меня что-то вспыхнуло. Огонь пробежал по позвоночнику и начал спускаться все ниже и ниже, пока мои пальцы не сжались в кулаки. Мне казалось (к собственному ужасу), будто все это противостояние между нами – не более чем прелюдия. Потому что в голове первым делом возникло болезненное любопытство: если я поцелую ее здесь и сейчас, укусит ли она меня? Я никогда в жизни не прикасался к женщинам без их согласия. Но поскольку уже долгое время я был одинок, мне едва ли удавалось остановить поток воображения. Сломанный диван, взъерошенные рыжие волосы... и жадные поцелуи, в которых никто не готов уступать.

С выдохом, похожим на стон, я сделал шаг назад.

– Я не перестану выплачивать тебе зарплату.

Шарлотта облизала губы, с любопытством изучая мое выражение лица. Затем кивнула.

– А я наведу справки о потенциальных подрядчиках. – Ее

глаза загорелись. – Я знаю всех в штате Мичиган, кто достаточно компетентен, чтобы провести историческую реставрацию такого масштаба, как у нас.

Я разочарованно сжал переносицу. В один миг вся эта словесная перепалка перестала мне казаться прелюдией и тем более приносить удовольствие. Наверное, потому что я представлял между нами мнимое сексуальное напряжение, тогда как все это время Шарлотта просто выполняла свою работу. Тут же эхом зазвенели в ушах слова Танси о том, что я веду себя как наш отец.

– Я не хочу ругаться с тобой, – признался я. – Ну, или как еще назвать эти... дурацкие пререкания, – вяло продолжил я. – Я не хочу всегда чувствовать себя так, словно мы с тобой враги.

Шарлотта опустила глаза и вздохнула.

– Я тоже не хочу ругаться. – Она подняла взгляд, в котором читалось молчаливое желание извиниться. – Куда легче быть вежливой с другими, чем... быть такой.

– Мне это незнакомо, – иронично подметил я. – Я же грубиян, помнишь?

Она тихо усмехнулась.

– Дай мне организовать еще одно собеседование, – попросил я. – У меня есть кое-какая наводка. Если не сработает, то можешь связаться с кем захочешь, даже если придется приглашать кого-то из Чикаго или дальше.

Ее грудь поднялась на глубоком вдохе, и, выдохнув, Шар-

лотта медленно кивнула:

– Договорились.

– И к слову, могла бы и сказать, что кровать в моей комнате детского размера.

Она заулыбалась, и ямочка, которую я заметил в первый же день, наконец появилась.

– Я просто решила, что рано или поздно ты и сам об этом узнаешь.

Я многозначительно посмотрел на Шарлотту, и она тут же рассмеялась. Ничего особенного. Но уже хоть что-то.

Глава восьмая

Берк

В последний раз я жил под одной крышей с женщиной пять лет назад. Должно быть, поэтому я и не мог не обращать внимание на все причуды Шарлотты. Например, когда во время телефонного разговора ее что-то беспокоило, она сразу начинала ходить по комнате. В ее самоорганизации не было никакой логики, но при этом она всегда знала, где что находится. За исключением телефона, конечно. Когда она варила себе кофе с утра, то обычно ей требовался целый час, чтобы сделать хотя бы два глотка из чашки. Количество разбросанных всюду резинок для волос и вовсе вызывало беспокойство. Одна кучка хранилась в ванной в шкафчике с лекарствами. Другая – на столешнице у холодильника. Еще четыре резинки я нашел на журнальном столике перед диваном.

Просыпался и вставал я гораздо раньше Шарлотты. Виной тому привычка, выработанная за долгие годы работы: мне приходилось подниматься в шесть утра, чтобы раньше всех приходиться в тренажерный зал. Спустя столько месяцев после ухода из спорта я все еще продолжал вставать в шесть. И так уж вышло, что к тому моменту, когда моя соседка показывала свое личико в семь тридцать утра, я уже успевал и кофе

выпить, и позавтракать.

На следующее утро после перемирия она вышла из спальни с телефоном, который прижимала к уху плечом. В одной руке она держала холщовую сумку, а в другой маленькую книжку в синей обложке и с золотым обрезаем.

– Нет, я ищу другую, – лепетала она в трубку.

И уже через секунду сумка и книга были брошены на стол. Шарлотта подошла к наполовину заполненной кофеварке, кивнула в ответ на какую-то фразу своего собеседника и повернулась к буфету у противоположной стены. Я медленно отпил свой кофе и спрятал невольную ухмылку за кружкой. Открыв дверцу, Шарлотта застыла, как только поняла, что чашек и кружек в буфете не было. На их месте стояли тарелки, которые она обычно хранила в верхнем кухонном шкафчике, над кофеваркой. Миски, тоже когда-то находившиеся в буфете, пока стояли слева от раковины, но я собирался и их вместе с оставшейся посудой переставить, как только Шарлотта закончит с завтраком.

Она уперла руки в бока и резко повернулась ко мне, прищурившись. В знак приветствия я поднял свою кружку, и она недовольно фыркнула.

– Извините, не могли бы вы повторить? – попросила Шарлотта своего собеседника.

Когда она открыла шкафчик, где и стояли теперь все кружки и чашки, то закатила глаза. Затем налила кофе в чашку, поднесла ее ко рту, резко остановилась и мигом по-

ставила ее на столешницу.

– Да! С коричневой твердой обложкой? Ага, это она. Если правильно помню, она еще датирована тысяча девятьсот тридцать вторым годом.

Получив желанный ответ от собеседника, она радостно подпрыгнула, и я ненароком обратил внимание на маленькие черные шортики, в которых она обычно спала. Она вновь взяла чашку и подула на кофе. Затем легонько поджала розовые пухлые губы. И за секунду до того, как они успели коснуться края чашки, она вновь поставила ее на стол.

Я отвел от Шарлотты взгляд, переключившись на экран ноутбука.

– А вы не могли бы отложить ее? Обещаю, я сегодня же ее заберу. – Она вскинула кулак в воздух и зашагала к противоположной стороне дома. – Да, положите ее к книге тысяча девятьсот двадцать восьмого года, которую вы нашли на прошлой неделе. Отлично, спасибо.

Вызов завершился, и она, довольно ухмыляясь, вернулась на кухню за своим кофе.

– Знаешь, – начала она, – я сейчас так счастлива, что даже злиться не буду из-за того, что ты переставил мои вещи.

– Ты хотела сказать, *мои* вещи.

Шарлотта медленно выдохнула, глядя на меня поверх края кружки, и села за обеденный стол. Вместо глотка она в очередной раз поставила кофе на стол и откинулась на спинку стула.

– Ага. Твои вещи. – Ее руки потянулись к резинке, с трудом сдерживающей хаос на голове. – Зачем ты меняешь то, что и без тебя прекрасно работает? За чувством контроля гонишься, что ли?

– Дело не в контроле.

Она, подперев подбородок кулаком, внимательно всматривалась в мое лицо:

– М-м-м.

– Не стоит искать глубокий смысл там, где его нет. – Я захлопнул ноутбук. – Я просто переставил кофейные чашки в шкафчик над кофеваркой. Любой, кто слышал о базовой логистике, поступил бы точно так же.

Шарлотта вскинула бровь:

– Вау, это, выходит, суперспособность у тебя такая? Завидую.

Я испепелил ее взглядом. Шарлотта улыбнулась и снова поднесла чашку к губам.

– Знаешь, – заговорила она, опять поставив кофе на стол, – а ведь держать кружки в буфете тоже логично.

– Это почему?

– В нем расстояние между полками гораздо меньше, а значит, нет кучи пустого пространства. – Она кивнула в сторону шкафчиков. – Куда вот ты денешь теперь миски, а?

Я уязвленно прищурился, и только после этого Шарлотта наконец-то отпила свой кофе. Если бы не чашка, я бы наверняка увидел, как эти розовые губки самодовольно посы-

лают меня куда подальше. Вообще, нам обоим нечем было заняться до завтрашнего собеседования, но только я был от этого как на иголках. Я резко встал из-за стола.

– Я потом подыщу им место получше.

– Конечно, – пробурчала Шарлотта себе под нос.

– А сейчас я пойду на пробежку.

Я соврал. На деле же я собирался медленно прогуливаться по окрестностям, но ей об этом знать было вовсе не обязательно.

Она, в свою очередь, быстро перевела взгляд на мое колено:

– Тебе вообще можно бегать?

– Кто тебе рассказал?

И снова чашка застыла в дюйме от ее губ.

– Ричард.

Я не переставал всматриваться в ее глаза. И мое сердце забилося в бешеном темпе.

– Это твой парень?

Кого вообще зовут Ричардом? Имя для старика. Черт, а может, он *действительно* старик. Шарлотте нравится всякий ветхий, разваливающийся антиквариат, так что, возможно, она завела себе семидесятилетнего дедулю, чтобы тот сочетался с ее одержимостью двухсотлетними домами.

Я с огромным трудом разжал челюсть. Шарлотта улыбнулась:

– Это сожитель и парень, который совсем не парень, моей

тети Дафны.

Я с облегчением расслабил плечи. Тьфу ты, надеюсь, она этого не заметила...

– Я...

Она помахала рукой, прося замолчать:

– Даже не пытайся понять. Мне кажется, они сейчас состоят в гражданском браке, после десяти-то лет вместе. Дафне просто ярлыки не нравятся. – Шарлотта расплылась в улыбке. – Наручники как раз им принадлежат.

– Вау, как же я рад об этом знать.

Услышав мой сухой, саркастичный ответ, она рассмеялась.

Ее смех звучал у меня в голове всю прогулку. Пять миль²¹ я шел так медленно, что почти не следил за направлением, пока не оказался в центре Траверс-Сити. Магазины и рестораны выглядели очень чисто и аккуратно, из-за чего сразу было понятно, что принадлежали они туристическому городу. А учитывая постоянно попадающуюся на глаза водную гладь... Сложно было даже представить, как много людей здесь собирается летом и осенью. Даже сейчас тут было предостаточно народу: сказывалось весеннее потепление.

Я остановился перед магазином, торгующим мороженым, и подыскал рядом с ним деревянную скамейку. Несмотря на жгучую боль в колене, я чувствовал, как мышцы разогрелись.

---

²¹ Около восьми километров.

– Берк.

Я распахнул глаза. Рядом со мной стояла Шарлотта в больших черных солнцезащитных очках. Она была в ярко-голубом платке, который защищал ее лицо от непослушных рыжих прядей.

– Тебя подвезти домой?

Мое колено хотело согласиться. И хотело настойчиво. Я же просто пристально посмотрел на девушку, задрав голову:

– Нет.

Она посмотрела на меня сверху вниз. Ну как же я не любил, когда Шарлотта оказывалась выше меня! Я силой заставил себя встать со скамейки, но тут же прикусил кончик языка, когда почувствовал, будто кто-то вонзил нож в коленную чашечку.

– Ладно, сдаюсь, – нехотя добавил я.

Она коварно заулыбалась:

– Тебе куда-нибудь нужно заглянуть, пока мы не уехали?

Я покачал головой. Вдруг какой-то подросток, стоявший через дорогу, посмотрел на меня, а затем стал что-то нашептывать своему товарищу и показывать в мою сторону пальцем. Я стыдливо опустил голову, дождался, когда Шарлотта откроет машину, и тут же проскользнул внутрь салона.

Если бы мой физиотерапевт жила здесь, то за эту прогулку она задала бы мне такую взбучку...

Каким-то невероятным образом даже на автомобильной консоли лежали восемнадцать резинок для волос. Я взял од-

ну в руки и принялся изучать ее на свету.

– Ты же в курсе, что тебе не обязательно их тут держать?

Могла бы и дома оставить.

– Конечно, могла бы.

– К слову, сегодня утром я достал из зубной пасты рыжий волос.

Она захихикала:

– Врешь.

Я не врал, но решил не спорить. Она же рассеянно протянула мне сумку:

– Подержи. Не хочу кидать на заднее сиденье.

– Что, гонщица, ждешь, что машину будет заносить на поворотах?

Шарлотта вздохнула:

– Ну, если только во время полицейской погони.

Я приоткрыл сумку и аккуратно достал оттуда первую из двух книг. «Современные дома Америки». Она была сильно повреждена, местами порвана. Особенно рваными и потрепанными были ее края. Страницы пожелтели, а от самой сумки несло затхлостью.

– Надеюсь, ты не заплатила за этот кошмар.

– Она стоила мне сотню долларов, – зыркнула Шарлотта в мою сторону.

Я присвистнул:

– Вот как тебя обдурили...

– Эта книга, на минуточку, – похлопала она по обложке, –

тысяча девятьсот тридцать второго года. Ты вот открой ее.

Я нехотя повиновался. Внутри меня ждала целая куча архитектурных элементов, домов и планировок зданий. Вскоре я наткнулся на схему огромного дома-коробки, очень похожего на Кэмпбелл-хаус. Она была подписана: «Неоколониальный стиль». И я принялся изучать на страницах местные планировки, периодически фыркая.

– Ну что?

Я прошелся глазами еще по парочке изображений.

– Да нет, ничего.

Я должен был догадаться, что проявить интерес к одной из этих полуразвалившихся книг и не объяснить причину – это худшее, что я мог сделать с Шарлоттой Каннингем.

– Нет же, что-то не так, – не унималась она.

– Ничего такого, тебе не о чем беспокоиться, – уверял я.

Она заерзала на месте, быстренько глянув на страницу, которую я рассматривал. Затем прищурилась, и машину слегка занесло к обочине.

– Не туда смотришь, – сделал я замечание, продолжая разглядывать книгу. – Следи за дорогой, пожалуйста.

Шарлотта что-то пробормотала себе под нос, и я с трудом подавил ухмылку.

Когда мы прибыли к гостевому домику, она разблокировала двери и попыталась всучить мне маленький мешочек. Я его не взял.

– Что это?

– Ну уж точно не бомба, – утомленно вздохнула она.

– А ведь я бы даже не удивился.

– Да господи, Берк, ключ там, ключ. Успокойся. – Она кинула мешочек мне в грудь, но я успел его поймать. – Я ходила в магазин хозтоваров и сделала дубликат на тот случай, если тебе нужно будет попасть домой, а меня рядом не будет.

Когда я проследовал следом за ней внутрь здания, то был встречен солнечным светом, всюду струившимся сквозь огромные окна, обращенные на запад. Я до сих пор чувствовал себя немного неуютно.

– Ты разве не постоянно здесь сидишь? – поинтересовался я.

Не помню, чтобы она хоть раз покидала дом, если только не с визитом к тете.

– Есть такое. Но раз я даже не знаю, как долго ты тут проведешь, то решила что-нибудь сделать, чтобы ты почувствовал себя как дома.

Я издал смешок. Это уж маловероятно. Я нигде себя так не чувствовал.

У нее был свой устоявшийся ритуал. Ключи отправлялись в маленькую керамическую пиалу на узком столике у двери, ведущей на кухню. Затем она снимала туфли и швыряла сумочку на кровать.

Моя спальня – желтенькая, как она ее называла, – не отличалась теми же размерами, что ее голубая, но мне и того было достаточно. Односпальная кровать стояла в углу под

большим окном с белой вычурной отделкой. Напротив нее под углом располагался громоздкий комод, отчаянно нуждавшийся в новой краске. Конечно, ноги у меня свисали с матраса, но не настолько, чтобы это меня раздражало. Тем более я прекрасно знал, что Шарлотта только и ждала момента, когда я начну жаловаться, так что я упорно держал рот на замке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.